

НИК НИЛАН

БЕЛЫЙ АРХИВ

Обложка сделана
#VICTORAROMITTE

ДЕЛАЙ, ЧТО ДОЛЖЕН

Он скатился на дно, залез в долги, ввязался в ограбление и отмотал срок. Пуля в голову — таково было завершение его бессмысленного существования. Однако вместо небытия, он проснулся в детской кроватке. Его взяла на руки давно умершая родная мать, и давно погибший отец. Лео Рутис начал заново собственную жизнь, он снова младенец. Младенец с сознанием 30-летнего мужчины. Второй шанс выпал ему не случайно. Его имя в «Белом архиве», наряду с великими, как Тесла или Эйнштейн. И данная честь обязывает на выполнение важной миссии...

1 глава

2 дня

Я обделался.

Это первое, что я почувствовал, придя в себя. Что-то теплое растекалось ниже пояса. Я постарался напрячь свой зад, чтобы прекратить этот позор, но ничего не получилось, он не захотел слушаться. Так что без сомнений, это было дерьмо, которое я не в силах остановить.

Чувство паники смешивалось с облегчением. Не с тем, которое испытывал сейчас мой кишечник. С другим.

Я был жив!

Уже само по себе чудо! Особенно после того, что мне пришлось пережить. А это, ни много ни мало, выстрел из пистолета в голову.

Я попытался пошевелить руками, но что-то меня сдерживало. Мне пришлось хорошенько постараться, чтобы слегка приподнять голову и взглянуть на свое тело. Моей шее вес головы показался почему-то чересчур большим. Оказалось, я укутан в какую-то простыню под самое горло, как младенец. Всего лишь простыню. Но у меня до такой степени были атрофированы мышцы рук, шеи, задницы, да и всего тела, что выбраться из нее казалось невозможным.

Я видел только потолок, лежал на чем-то мягком в какой-то... это что, ванна? Нечто похожее на ванну.

Отбросить панику! Нужно держать себя в руках. Я решил рассуждать здраво, благо, такая возможность сохранилась. А значит, голова не повреждена. Тот урод или промазал, или стрелял не пулями. Может, транквилизатором? Главное — я был жив.

Я лежал в собственном дерьме, не в силах выбраться из простыни. Мысль с параличом отбросил сразу, ведь я чувствовал пальцы рук и ног. Вывод — мне что-то вкололи, чтобы лишить подвижности. От этого сфинктер и перестал работать. Неприятно.

Вывод 2 — я пленник. А это уже печально. Я старался не думать о том, что со мной планируют делать, чтобы не впасть в окончательную панику. Гнал метлой мысли, что меня могут залить кислотой или, что я нахожусь в гробу, и меня похоронят заживо.

Вся моя жизнь — сплошная жидкость, в которой я лежал. Не удивительно, что она может закончиться таким вот образом.

Вы спросите, как мне угодило в такое вляпаться? Сам виноват, дурак.

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, насколько никчемно жил. Радостью всей жизни являлись пьянство с коллегами по заводу, и игра с ними же в покер. Многолетний опыт последнего заставил меня увериться в своем невероятном профессионализме. А с этим пришла и «гениальная» мысль: а не использовать ли свой талант для того, чтобы сорвать немного денег?

Я взял все свои скудные сбережения и отправился в подпольное казино. Оказаться за покерным столом среди игроков много труда не требовало, хватило сверкнуть деньгами. Это мгновение и стало для меня началом конца.

Вначале все шло просто превосходно! Я играл, как Бог! За первый же час мой выигрыш увеличился до годовой зарплаты. Но вот потом... спустил все подчистую. И ладно, если бы на этом сумел остановиться. Так нет же, азарт взял верх, и затащил меня в непристойно глубокую долговую яму.

Уже на следующий день я выяснил, что задолжал не кому-то, а, конечно же, самому влиятельному и опасному. Как иначе? Личной персоной, в сопровождении двух громил, он явился ко мне на квартиру. Разговор был короткий: долг в течение трех дней, или переломанные конечности, в лучшем случае.

Естественно, достать столько деньжищ — вариантов у меня не было. Я прикинул, смогу ли пожертвовать руками-ногами в столь непростой ситуации, и, решив, что нет, отважился на крайность.

Ограбление.

Спустя 5 лет после того решения, я вышел за порог тюрьмы, которую едва пережил. Казалось бы, вот она — новая жизнь, теперь все с чистого листа. Ага, как же.

Едва одной ногой я оказался на свободе, как заметил у дороги джип. Из него появился тот самый влиятельный и опасный — козлинобородый хрен с идиотской кличкой Масть.

— Лео Рутис! — он расставил руки в стороны и направился ко мне с поддельно радостной ухмылкой. — Не поверишь, ехал мимо, как вдруг смотрю — знакомое лицо!

— Не сомневаюсь — пробубнил я себе под нос.

У моего имени есть короткая предыстория. Мои предки были родом из Литвы. Отец служил военным, и они частенько переезжали. Последний перевод заставил их переехать в Узбекистан, где я и родился. Мать дала мне имя Леонас, но оно мне никогда не нравилось. Когда я повзрослел, то сменил и его, и фамилию Рудзитис, убрав режущие слух буквы. Осталась такая вот экзотика.

— Как провел время? — съязвил Масть. — Хорошо отдохнул?

— По-разному.

— Что ж, тогда запрыгивай в машину. Теперь придется поработать.

Масть резко развернулся, как бы будучи уверенным, что я тут же последую за ним.

— Я не ищу работу — ответил я.

— Конечно, нет — вернулся он обратно. — Ведь она у тебя уже есть.

— Неужели?

— Ты же не думал, будто я забыл о твоём долге? — Масть, кажется, получал от своего голоса настоящее удовольствие. — Сомневаюсь, что в тюрьме ты сумел заработать столько, чтобы со мною рассчитаться. А сумма с тех пор немало увеличилась. Инфляция, знаешь ли, плюс проценты и все такое. Я не идиот, знаю, что денег у тебя нет, и достать ты их не сможешь. Поэтому, ты их отработаешь.

Внезапно, за спиной Масти, из джипа вышел огромный телохранитель и уставился на меня, скрестив впереди руки. То ли ему стало жарко сидеть в машине, то ли он вышел специально, чтобы создать некий устрашающий эффект. Во втором случае, эффекта не создалось. После тюрьмы я мало чего боялся.

— Что за работа? — смирился я. Были у меня подозрения, что в случае отказа, с костями моего тела могут произойти серьезные повреждения. Да и другого выхода я не видел. Эта Масть от меня так просто не отвяжется.

— Любая, которую я дам — посуровел он. — Для начала будешь груз перевозить. Дальше поглядим. Залазь в чертову машину.

Что я перевозил, мне, естественно не сказали. Вернее сказали, что это холодильники. Рядом посадили второго водителя, чтоб присматривал за мной. Я не сомневался, что под пиджаком у него покоился пистолет, и не собирался его провоцировать.

Не успел я «насладиться» своим рабством, как первая же поездка пошла крахом. Одолев половину пути, началась полная шуба. Под названием — песец.

Перед моей фурой внезапно выскочила легковушка. Из её окна показался человек с автоматом в руке, и тут же открыл по кабине огонь. Лишь в последний момент я рефлекторно пригнулся, избегая смерти, чем не мог похвастаться мой «напарник». Свинцовая очередь изрешетила ему лицо и грудь.

Я вдавил газ до упора и сразу почувствовал, как моя фура догнала засранцев. Послышался громкий грохот и звуки битого стекла. Я вовремя выглянул в окно, чтобы увидеть, как машина впереди кувыркается по асфальту.

Похоже, перевозил я действительно дорогостоящий груз, ибо машин преследователей оказалось аж три. Пока одна из них вовсе выходила из игры, следующая подъехала сбоку. По дверце кабины отрылась очередная автоматная очередь. Я откинулся к мертвому «товарищу», сунул руку ему под пиджак и вытащил ствол. Вслепую нацелился в окно и выстрелял весь магазин.

Если в тот момент можно было говорить об удаче, то она мне сопутствовала. Каким-то чудом я попал, куда надо, и уже вторая машина принялась выделывать сальто на шоссе. Но на этом моя удача иссякла. Подняв, наконец, голову, я увидел, как вылетаю напрямик в кювет.

Последовала чудовищная тряска, удары макушкой о потолок кабины, трехэтажный мат. Фура умудрилась не перевернуться, когда, в конце концов, остановилась. Нахватавшись звезд, я, как мог быстро, выпрыгнул наружу. Но успел сделать лишь несколько шагов.

Передо мной возник один из преследователей. Не церемонясь, он наставил мне в лицо пистолет и выстрелил.

Хммм. Теперь, когда ситуация пересмотрена, мне все же кажется, что стрелял он из боевого пистолета. Почему же я остался жив? Я бы еще поразмыслил над этим, но тишину разрезал громкий плач ребенка. Причем это был плач, который мог издавать только недавно появившийся на свет младенец.

Ребенок явно находился очень близко, будто лежал на полу рядом с моей ванной.

— Ээээй! — крикнул я, но вместо своего голоса услышал детское «вякание».

Я повторил попытку, но голос остался прежним, будто меня озвучивал младенец. Стало совсем не по себе. Что нужно было мне вколоть, чтобы так изменить мой голос?

— Здесь есть кто-нибудь? — как бы я хотел проговорить именно эти слова. Вместо них мой рот произнес протяжный детский лепет. — Что за хрень, мать вашу!? Что вы со мной

сделали?

Я издавал крик младенца, и ничего больше. Слыша свой новый голос, на меня накатывала волна злости, и я кричал еще громче.

— ЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЭЙ!!!!!!! Ублюдки! Гребаные, мать вашу, ублюдки! Я вас всех поубиваю!

Неистовый крик длился несколько минут, пока к нему не присоединилось еще парочка таких же. В голове появилась безумная мысль: это были не дети, а такие же, как я, пленники. Не одного меня накачали каким-то дерьмом, в комнате находилось как минимум четверо, а то и пятеро. Легче от этого не становилось. Я чувствовал неисчерпаемый запас энергии и мог целую вечность проклинать своих пленителей, как вдруг...

— Привет, мой маленький — до безобразия знакомый нежный голос послышался где-то сверху. Внезапно весь мой обзор перекрыло огромное женское лицо. Я тут же заткнулся и с ужасом уставился на голову, которая могла принадлежать только человеку метров шести, не меньше.

Гигантская женщина взяла меня на руки и прижала к себе.

— Кто это у нас тут плачет? — где же я раньше слышал этот голос? — Хотя, уже не плачет. Только увидел меня и сразу затих.

— Узнал свою маму, значит — произнес кто-то сбоку.

Я выкрутил голову и посмотрел на женщину, которая меня держала. Чтоб я сдох! Это была она! Моя родная мать! Красивая и совсем молодая, она выглядела лет на двадцать. Она счастливо улыбалась, глядя мне в глаза, отчего мое сердце чуть в пятки не уходило. Мысли путались, мозг отказывался соображать, откуда появилась шестиметровая мама и что вообще здесь происходит?

— Уууу, какой запашок. Похоже, кто-то подготовил маме сюрприз? — мама положила меня обратно в ванну и принялась разматывать простынь. Сняла с меня грязную пеленку, всего почистила, насыпала на зад присыпку и обратно запеленала. Весь процесс я наблюдал молча, с огромными глазами. Мысль была одна бредовой другой, но все они сходились в одном. Похоже, я бредил.

На заводе, чуть ли не каждый вечер, я собирался с коллегами и жестко бухал. Мы постоянно травили разного рода байки, и один собутыльник как-то поведал нам историю о своем особенном пьянстве. Он утверждал, что ходил по луне за ручку с молодой Мадонной, и собирал алмазные цветочки, пока за ними не прилетел космолет. Что, если я тоже угодил в, такого рода, бредовое состояние?

— Теперь чистенькие и приятно пахнем. Пора кое с кем познакомиться.

Мама снова взяла меня на руки и куда-то понесла.

Как же я все-таки рад был увидеть снова любимое лицо матери. Я был ужасным ребенком, отвратительно себя вел и ни разу не говорил ей, как сильно её люблю. А потом её не стало. Слишком рано. И я всю жизнь жалел. Может, поэтому мой мозг показывал мне её?

— Я люблю тебя, мам — сказал я, но она услышала очередной детский лепет и лишь улыбнулась.

Мне почему-то казалось, что условия бреда выполнены, и я теперь могу прийти в себя. Но потом задумался. Будь это настоящий бред, разве я бы понял, что брежу? Слыхал я раньше фразу, что сумасшедший никогда не признает, что он сумасшедший. А если я уверен, что брежу, то, может, вовсе и не брежу?

Над этим стоило задуматься, но мама вынесла меня в другую комнату, где меня ждало

еще большее потрясение.

— Знакомься, маленький. Это твой папа — мама развернула меня к мужчине, который тут же расплылся в счастливой улыбке.

Я впервые увидел своего отца. Вживую. То самое лицо, которое мама показывала мне на фотографии незадолго до своей смерти. Отец погиб в автокатастрофе, когда мне было восемь месяцев. Его мотоцикл на полной скорости сбил ЗИЛ, когда он ехал на работу. Мне так и не удалось с ним познакомиться в сознательной жизни.

— Какой красивенький — залепетал отец. — Весь в мамочку.

Я обратил внимание на шлем мотоциклиста, который отец держал под мышкой. Стекло на нем было опущено, я посмотрел туда и увидел свое отражение. Мои глаза округлились больше прежнего.

В тот момент я понял, что не брежу и не сплю. Вера в происходящее вмиг укоренилась в моем мозгу. Все вокруг было настоящим, все на самом деле происходило со мной. Я не мог объяснить причину своей веры, но это было так!

Из отражения на меня глядел младенец.

Это был я!

Мама и папа не были шестиметровыми, ванна являлась обычной кроваткой, меня не держали пленником, а укутали меня не *как* младенца.

Я и был младенцем!

— Наш маленький Леонас. — Отец убрал шлем в сторону и взял меня на руки.

Размышлять над дальнейшими своими действиями долго не пришлось. Я в роддоме, и, судя по тому, что меня только представили отцу, мне был день отроду, максимум два!

Настало время абсолютной, всеобъемлющей, неподдельной дикой панике.

— АААААААААААААААААААААААААА!!!!!!! — на этот раз произнесенное полностью отвечало тому, что исходило из моего рта.

Мне шуба.

Песец.

И, кстати, я снова обделался.

2 глава

1 Месяц

Последний месяц оказался худшим в моей жизни.

Подчеркну, худшим! И это притом, что я пять лет провел в тюрьме, где, во время принятия душа, твоё мыло частенько оказывается на полу. И человек семь, затаившись, ждут, пока ты его поднимешь.

Я обдελывался каждые два часа. Если пеленки меняла мать — я кое-как это терпел. Но когда через раз за дело брался отец, я чуть не сгорал от злости и стыда. Зачем мужику добровольно возиться с пеленками, когда рядом есть жена? Не понимаю.

Меня раздражала каждая секунда, проведенная в этой гребаной кроватке. Я не мог делать ничего, кроме как лежать укутанный в простыню. Каждый раз засыпая, я мечтал проснуться от этого кошмара в своем взрослом теле. Но, просыпаясь, видел всю ту же кроватку, и нюхал пропитанную дерьмом пеленку.

Этим кошмар не ограничивался. Мать регулярно норовила впихнуть мне в рот свою

грудь. Ничего не имею против женской груди, тем более такой молодой и упругой. Но, люди, это же родная мать! Такими делами можно напрочь сгубить мою, и без того расшатанную, психику.

Отвертеться от кормления было нереально. Сил не хватало даже на то, чтобы сомкнуть губы. А едва в рот проникал сосок, как оттуда начинало течь молоко. Да, признаюсь, вкусовым рецепторам младенца, в чьем теле я застрял, молоко очень даже нравилось. Но сам процесс выворачивал наизнанку. Чтобы как-то это пережить и не сойти с ума, я закрывал глаза и представлял, что держу во рту грудь Алисы, моей первой любви.

До верхней точки кипения доводили моменты, когда родители занимались сексом в метре от меня. Отец, стараясь наверстать последние полгода, не упускал ни одной возможности.

— Что ты делаешь? — слышал я голос матери за стенкой кровати — тут же Леонас.

— Он ничего не видит. Даже, если и увидит, ничего не поймет.

— Он же услышит... ну не надо...

— А мы будем тихо. Очень... тихо...

Мама уже не отвечала. Слышались поцелуи, скрип кровати, частые стоны. А я даже не мог освободить из простыни руки, чтобы заткнуть ими уши.

Глядя в потолок, в моей голове вертелся единственный, вполне резонный, вопрос.

За что!?

За что мне все это? Да, я не верил в существование бородатого дядьки на небе. Неужели ему это не понравилось, и он вот так решил отыгаться? Не может же атеизм караться так сурово? Я ведь не самый плохой человек в мире. Не самый хороший, но есть и куда хуже. Маньяки, убийцы, педофилы, политики. Они то, небось, прохлаждаются сейчас в аду, отдыхают в кипящей смоле, крутятся себе на вертеле. Чем я хуже них? Зачем так жестоко со мной?

В первые годы тюрьмы на мою задницу охотилось два отъявленных имбецила. Мне ломали ребра, руку, нос и челюсть, но дух сломать не удалось. Сейчас же я держался из последних сил. Находился на грани.

И все же я не мог не заметить, как благоприятно влияло мое прискорбное положение на мать. Младенцам принято вести крикливый образ жизни многие месяцы. Я же был не из нытиков. За последние четыре недели я ни разу не орал по ночам, не закатывал истерику, а голос подавал лишь, когда не мог уже терпеть вонь очередной пеленки. Я мог бы претендовать на звание самого спокойного младенца в мире. Родители не могли нарадоваться.

Знали бы они, как я проклинаяю в душе каждую секунду моей мучительной жизни.

4 месяца

— Он сидит! Милый, скорей сюда, он сидит!

Мать зашла в комнату, бросила взгляд на кровать и уставилась на меня с открытым ртом. Я сидел без какой-либо поддержки и для пущего эффекта тряс игрушкой, демонстрируя свою крепкую усидчивость. И это в свои 4 месяца!

Отец забежал в комнату и удивленно вытаращил на меня глаза.

— Я только подумала, что пора потихоньку учить его садиться, а он уже!

Ууу, мама. Я старше тебя на 10 лет, кто еще кого больше научит.

— С ума сойти — сказал отец — наш пацан гений!

— Как он так быстро и без нашей помощи научился сидеть?

Признаться, мама мне в этом все же помогла. Косвенно. Вы знали, что материнское молоко — это целая биофабрика? Оно содержит столько полезных элементов, что никакая смесь не сможет с ним тягаться. Врачи рекомендуют до шести месяцев кормить ребенка исключительно грудью. Откуда я все это узнал?

Сосать грудь матери мне осточертело практически сразу. Терпеть это полгода меня совсем никак не устраивало. Я так мечтал о жареной картошке и чизбургере, что Макдоналдс снился мне по ночам.

Кое-как мне удалось смириться со своим кошмарным положением. Конечно, я не раз задумывался, насколько же моя ситуация сумасбродна, не снится ли мне все это, пока я валяюсь в коме, и о многом чем другом. Однако я сумел себя заставить принять новую реальность, и мыслить, исходя из нее. И если уж мне действительно суждено было жить в теле младенца, то я решил как можно скорее пережить этот этап. Важную роль в этом решении сыграла всего лишь соседка, которая однажды вечером заявила к матери в гости.

Случилось это за пару месяцев до моего подвига. Тогда-то я впервые и увидел призрачный свет во тьме моей жалкой жизни. Соседка принесла маме книжку, которая в подробностях описывала уход за годовалым ребенком.

— Какой красивенький карапузик. Какие мы миленькие — сюсюкала соседка, дергая меня за щеки. Я ни разу не бил женщин, но этой так и вмазал бы. В моем положении подобное отношение вызывало только гнев.

Мы находились в маленькой кухоньке, едва помещаясь за обеденным столом. Родители любезно пригласили соседку на чай, а мама посчитала нужным мое присутствие на своих руках.

— Сколько нам уже месяцев? — спросила соседка.

— Полтора — ответила мать.

— Уже целых полтора месяца не даешь мамке с папкой выпасться? — соседка заговорила еще более отвратительным детским голосом.

— Как раз наоборот, — улыбнулась мама — не разбудил нас еще ни разу. Вякает только, когда нужно пеленки менять. Прямо таки святой ребенок.

Ага, святой 30-летний ребенок, 5 лет из которых провел в тюрьме. Гордость любой мамы.

— Да ну ладно, быть того не может. Прямо, ни разу? Мой, помню, орал, как резанный, пока не крестили. А как он кушает, не капризничает?

— Уплетает за обе щеки. Капризы за ним вообще не водятся.

— Да вам просто невероятно повезло. Ути-пути, какой хорошенький. — Соседка снова принялась дергать меня за щеку. Во мне было столько злости, что думаю, вполне хватило бы сил задушить её голыми руками. Но я лишь выдавил милую улыбку.

— Слушай, а в этой книжке случайно не написано, как долго нужно кормить грудью? — мама задала весьма интересующий меня вопрос.

— В ней есть абсолютно все, — гордо ответила соседка, открывая книгу — её создал настоящий гений. Смотрим отдел «кормление» — она пролистала книгу, нашла нужную страницу. — Открываем. Читаем. До шести месяцев ребенка рекомендуется кормить исключительно грудным молоком, не добавляя продукты или напитки. Однако. На пятый

месяц, при определенных условиях, можно начать давать малышу твердую пищу, дополнительно. Но только после того, как ребенок проявляет готовность к такой пище и только в минимальном количестве.

Я готов, готов! Дайте хоть кусочек жареного мяса!

— Какие же признаки готовности ребенка к твердой пище? — продолжила соседка — Первое: Ребенок сидит с поддержкой. Второе: Держит голову устойчиво. Третье: Проявляет любопытство и готовность принять пищу, когда ее подносят ему ко рту. Четвертое: Может самостоятельно перемещать пищу во рту из стороны в сторону. И пятое: Подносит ко рту руки и другие предметы.

Эта новость просто сделала мой день! У меня появилась цель — как можно скорее заслужить любую пищу, которая не молоко. Ускорить свое взросление. Да, моему детскому телу оно, вроде как, нравилось, но мое взрослое сознание от него уже тошнило. Три пункта из пяти были уже выполнены, оставалось научиться сидеть и устойчиво держать голову. Где же ты раньше была, соседка?

В тот же день я приступил к интенсивным тренировкам. Дополнительным плюсом послужило то, что мать стала реже заматывать меня целиком в простыню. Это радовало. Первым делом я начал регулярно напрягать шею и живот, развивая мышцы. Давалось это так же нелегко, как геометрия в школе. Параллельно я качал руки, если можно так выразиться, когда вместо гантели используешь игрушку.

Спустя несколько недель я с трудом научился переворачиваться на живот и мог даже отжаться четверть раза в день. Весьма не дурно для двухмесячного отпрыска. Тренировки осложнялись постоянным присутствием матери. При ней что-либо делать было опасно с психологической точки зрения. Чего доброго, могла и к врачу отнести, если бы увидела, как я качаю бицепсы. Поэтому время на занятия в одиночестве имелось в ограниченном количестве.

Я не унывал и занимался даже ночью, когда родители засыпали. Неделями напролет я подготавливал свое тело к устойчивому сидячему положению. Переворачивался на живот, поджимал под себя колени, отталкивался руками, но раз за разом падал на бок. Разуверившись в этом способе, я решил применить новую стратегию. В качестве поддержки я начал использовать спинку кровати. Тогда-то дело и пошло.

К третьему месяцу жизни мышцы моей шеи окрепли достаточно, чтобы держать голову в вертикальном положении. Спустя еще месяц за ней подросла и спина.

Теперь я мог сидеть без какой-либо поддержки и многие минуты не чувствовать усталости. Родители были в приятном шоке, а я все ждал, когда уже маму посетит мысль кормить меня не только грудью. С этим этапом жизни хотелось как можно быстрее распрощаться.

5 месяцев

Как оказалось, я зря так торопился и надрывал свою детскую спину. Ранее пятого месяца ничего, кроме молока, я не получил. Видите ли, в книге написано, что вводить прикорм можно именно с пятого месяца, не раньше. Ни один из пяти явных признаков моей готовности принимать твердую пищу не помог что-либо изменить.

И вот, в один прекрасный день, вместо груди мать пихнула в мой рот ложку с кашей неизвестного происхождения. Видом она походила на тюремную похлебку, но моему

детскому телу новое блюдо понравилось даже больше молока. Не чизбургер, конечно, но уже хоть что-то.

Пятый месяц жизни запомнился не только расширением меню. Однажды к нам в гости пришла очередная соседка, с которой мать познакомилась, выгуливая меня в коляске. На руках у нее сидела шестимесячная дочурка. Родители решили, что посадить нас рядом на кровати — будет отличной затеей. Сами же встали рядом и с интересом наблюдали, как мы будем себя вести.

Для себя я сделал неожиданный вывод, что, несмотря на мое желание как можно скорее повзрослеть, пока я оставался младенцем, ему необходимо было соответствовать.

Дабы мама не испугалась, что я расту каким-то отсталым, приходилось регулярно строить из себя мальчика. А, значит, отвечать на игры с родителями, придурковато смеяться, когда меня щекочут, наиграно познавать мир, брать в рот все, что попадает в руки и т. д. С одной стороны, чувствовал себя глупее некуда, с другой же — видел, как счастливы моим поведением родители. От этого моя злость немного утихала, и становилось чуть легче пережить следующий день.

Наши мамы дали нам несколько игрушек. Я взял свою, и начал притворно ею играть. Девочка рядом, с тоской, смотрела на свою.

— Леонас, посмотри, какая красивая девочка. Её зовут Латифа.

Все они красивые, пока маленькие. А как повырастают, страшнее атомной войны. Есть, конечно, прекрасные исключения.

Мама Латифы присела рядом с дочерью и начала соблазнять её куклой. Дочурка схватила игрушку и выкинула подальше. Видать, была не в настроении.

— И так постоянно, — повернулась соседка к моей матери — все выбрасывает, ничего не интересуется. Вот думаю, может сходить доктору показать?

— Да брось, придет время, заиграет. Все по-разному развиваются. Я вон книгу читаю про детей, там пишут, что некоторые в три года только говорить начинают. И ничего, вырастают нормальными здоровыми людьми. В остальном у нее как, все нормально?

— Вроде бы да.

— Ну вот.

Не знаю, зачем, но я повернулся к Латифе и стал легонько касаться её плеча игрушкой. Может, все потому, что родители ждали от нас какого-то взаимодействия, а я решил не разочаровывать маму и показать свою коммуникабельность. Мне подумалось, настоящий ребенок мог бы вполне проявлять общение таким вот образом. После нескольких прикосновений, Латифа вдруг повернулась ко мне и:

— Тупой ты придурок, убери от меня свою гребаную погремушку, иначе я запихну тебе её в задницу.

От изумления игрушка выпала из моих рук.

3 глава

Я огромными глазами смотрел на Латифу, не веря услышанному.

— Ты разговариваешь!? — выкрикнул я.

— Твою же мать! — теперь огромные глаза были у нее. — Ты тоже перерожденный?

Со стороны наше общение звучало, как детский лепет. Родители засмеялись, умилившись нашим контактом.

— С ума сойти — сказал я.

— Черт, если ты взрослый мужик, какого хрена делал с моим плечом?

— Играл роль младенца. Тебе бы тоже не помешало, твоя мать уже переживает.

— Плевать я на нее хотела, она не моя мать.

— В смысле?

— Что, в смысле? В коромысле! Не тупи. Эта баба родила ребенка, а я застряла в его теле. Мой тебе совет, как можно скорее учись ходить и сваливай отсюда.

— Зачем?

— Ты ведь еще не крещенный, угадала?

— Предположим, а что?

— Хочешь узнать, что случится, когда тебя крестят?

Я взглянул на родителей, которые о чем-то говорили, наблюдая за нашим общением.

— И что же? — спросил я.

— С месяц назад *эта* — Латифа кивнула в сторону своей матери — повезла меня на прогулку. Там она поравнялась с еще тремя колясками и пока чесала языком с другими мамашами, я от скуки начала гнать на маленьких засранцев. Прикинь мое удивление, когда один из них ответил. Прямо, как сейчас ты. Он тоже оказался перерожденным. В прошлой жизни работал на стройке, и ему на башку упала плита. Он проснулся в больнице, думал, выжил. А хрен там, реинкарнировался.

— А остальные?

— Молчали. Видать, и вправду впервые живут. Я то обрадовалась: брат по несчастью, будет теперь с кем потрепаться, чтоб умом не тронуться. А потом его крестили.

— И что произошло?

— Не стало его нахрен. Малец остался, а строитель в нем умер.

Латифа забавно трясла ручками и мило вякала в понимании родителей, что вызывало у них только улыбку.

— Видела его потом, но он уже не отвечал мне — продолжила Латифа. — Только мямлил что-то. Я потом долго над этим размышляла. Думаю, когда ты умираешь, твоя душа переходит в новорожденного. А когда его крестят, душа, так сказать, очищается от прошлой жизни и живет теперь новой. Поэтому, не знаю, как ты, а я планирую свалить, как только на ноги встану.

— Поймай-ка — проговорил я, какое-то время переваривая тревожную информацию. — Она не твоя настоящая мать?

Я указал рукой на соседку.

— Ты смотри, — сказала соседка моей матери — наверное, что-то о нас говорят.

— И как это до тебя дошло? — Латифа развела руками, обращаясь ко мне. — Пока жил в теле младенца, отупел до его уровня? Моя настоящая мать живет в Польше, и, наверное, с горя убивается последние полгода. Уверена, она меня примет, когда выслушает. У тебя то остались родственники в той жизни? Есть, к кому вернуться?

— Это и есть моя жизнь! Я прожил тридцать лет, пока мне не прострелили череп. А очнулся в послеродовой, в своем же теле, только детском.

— Твою мать. — У Латифы было не менее удивленное лицо, чем у меня после её рассказа. — Просто вынос мозга.

— Точнее не скажешь. Хуже наказание сложно придумать.

— Ты совсем идиот? Не догоняешь, как тебе повезло? Да я бы все отдала, чтобы заново

начать свою жизнь. У тебя есть возможность что-то изменить, исправить ошибки, улучшить свое будущее.

— И все это успеть до крещения? Интересно, как? Не подскажешь способ?

— Дылда взрослая. Придумай что-нибудь. Или не придумай. Мне плевать. У меня то есть план.

— Дерьмо твой план. Ну, сбежишь ты от мамки во дворе. И куда потом?

— Чем дальше, тем лучше. Главное, из города свалить. А там кто-нибудь, да приютит. Хоть детский дом. Все лучше, чем помирать. А как подростку, найду способ свалить в Польшу к маме.

Мне вдруг стало жалко маму Латифы. Не ту, что в Польше, а эту, которая стояла рядом с моей. В глубине души я пожелал, чтобы она крестила дочурку как можно скорее, пока та не научилась ходить. Ничего не имел против Латифы, но страшно было представить, что творится с сердцем женщины, чей ребенок бесследно пропал во время прогулки. Никому бы такого не пожелал.

С момента своего перерождения я стал очень сентиментальным касательно матери. После общения с Латифой я понял, что уже кое-что исправляю. Делаю мать чуточку счастливей своим поведением. Мне хотелось верить, что после моего крещения, младенец, в котором я пребывал, не вырастит тем же говнюком, каким вырос я. И что он будет лучше относиться к единственному родителю.

Хммм... Единственному?

Рождающуюся мысль перебила соседка. Она взяла дочь на руки и принялась прощаться с моей матерью.

— Как тебя зовут, напомни? — обратилась ко мне Латифа.

— Леонас. Но в будущем я сокращу его вдвое.

— Станешь Насом что ли?

— Лео.

— Ааа...

— А твое как имя? То, прошлое?

— Элла. Я себе его верну, как подвернется случай. Кто вообще называет детей — Латифа? Полный бред.

— Мне нравится. Звучит экзотично.

— Пошел ты.

На этом и распрощались. Той ночью мне было над чем поразмыслить. Встреча с Латифой все изменила. Впервые за пять месяцев я не проклинал перед сном свое печальное положение. Я знал, что совсем скоро все закончится.

Я не боялся умереть с самого начала. Следовать примеру Латифы, сбежать от матери и в мыслях не было. Нет, я не посмею её так расстроить. Моя дата смерти была определена, и я готов был её принять. Мама рассказывала, что меня крестили после гибели отца. А отец покинул нас, когда мне исполнилось восемь месяцев...

И тут я вспомнил. Ту самую мысль, которую перебила соседка. Отец должен умереть через три месяца. Должен, но ведь не обязан? Как же раньше мою тупую черепушку не посещала эта идея? В голове всплыла картинка из мультика, где персонаж осознает свою тупость, видя в зеркале ослиную башку вместо своей.

Трагедия еще не произошла. И черт меня дери, если я не приложу всех усилий, чтобы её предотвратить. В моей новой и очень короткой жизни появилась цель. И она стояла всех тех

мучений, которые я пережил.

7 месяцев

Октябрь в Ташкенте, где я родился и, пока что, жил, радовал своей теплой погодой. Пользуясь приятными климатическими условиями Узбекистана, мамы с удовольствием выводили гулять своих отпрысков во двор. Я был не исключением.

Мы много раз пересекались с Латифой, когда мамы любезно оставляли нас в песочнице. Другие мамы сильно удивлялись, как в таком возрасте можно допускать детей до песка. Наши же родители гордо отмечали, насколько мы умнее сверстников, чтобы не есть песок и даже не обсыпаться им. Играясь ведерком и лепя куличики, я спокойно мог пообщаться со взрослым человеком в теле девочки.

Мне много пришлось отвечать на её вопросы касательно будущего, рассказывать грядущие важные события, делиться разного рода подробностями. Она много удивлялась, во что-то откровенно не верила, но старалась запомнить каждое мое слово. Для её задумки полученная информация имела огромную важность.

В свою очередь, она рассказывала о своих тренировках по ходьбе и хвасталась успехами. Мышцы её ног позволяли ей делать уже несколько шагов. Я восхищался её достижением, несмотря на замысел сбежать. Мои восхищения были связаны еще и с тем, что я сам последние два месяца качал ноги, чтобы ходить. Но даже притом, что с координацией движения у меня проблем не было, силы в мышцах хватало только, чтобы недолго стоять.

Научиться, как можно скорее, ходить, я указал первым пунктом в плане по спасению отца. Ползая, толку от меня было бы мало. Он должен был разбиться на мотоцикле уже через три недели. Я знал точную дату, так как не раз посещал его могилу, и цифры буквально врезались мне в память.

Мои сомнительные успехи сопровождались еще и неслабой зубной болью. Передние зубы начали резаться неожиданно и очень не вовремя. Со своим детским телом и обостренной чувствительностью терпеть это было непросто. Но я справлялся.

Я не переставал давать моим хилым ножкам чудовищную нагрузку. Продолжительные размышления привели меня к осознанию, что спасение отца может в корне изменить мою судьбу. Мать не останется одна, не будет страдать и не впадет в многолетнюю депрессию. Она не пустит меня на самотек, пытаясь заработать на жизнь. Я буду расти, получая полноценную родительскую любовь и заботу и, возможно, не вырасту уголовником. Эти мысли придавали мне мотивации стараться изо всех сил.

Мой общий план «Спаси отца» включал в себя всего два пункта. И вторым значилось само спасение. Подробности находились в глубоком зачатке. Максимум, что я смог придумать — это спереть в нужное время отцовские ключи от мотоцикла. Наблюдения показали, что отец неизменно вешал их на крючок в прихожей. Проблема заключалась в том, что крючок находился на недоступной для меня высоте. Как до него добраться и, желательно, незаметно — оставалось загадкой.

«Воспользуйся стулом» — скажете вы? Люди, я не настолько туп, и подумал об этом в первую же очередь. Но! Даже, если мне удастся на него взобраться, что вряд ли, моего росточка все равно не хватит дотянуться до ключей.

В любом случае для осуществления плана необходимо было умение ходить. А поскольку времени в обрез, требовалось, как следует, поднапрячься. Меня ждали непростые недельки.

Я лежал ночью с открытыми глазами в одной постели с родителями. Так же бешено, как в ту ночь, мое сердце колотилось всего несколько раз в жизни. Причина тому: на кону стояла жизнь отца и зависела она от моих действий. Наутро он должен был сесть за руль своего мотоцикла, поехать на работу и разбиться по дороге.

За последние три недели мой план по спасению оброс большим количеством деталей. Я был полностью готов внести коррективы в свое будущее. Итак. В первую очередь, я уже неделю как умел ходить и даже бегать. Когда мать увидела, что я встаю на ноги, она принялась помогать мне в учении, и дело пошло быстрее. Она частенько читала подаренную соседкой книжку в голос, из чего я подчеркнул, что дети в основном начинают ходить в возрасте от девяти месяцев. Я же научился в семь с половиной, что не могло её не радовать.

Каждый раз, выходя на улицу, я предпочитал коляске пешую прогулку, и мама не возражала. Таким образом, важный пункт плана увенчался успехом.

За умением ходить последовал приятный сюрприз. Отец принес домой горшок. Да, тот самый, который унитаз для детей. Я тут же схватил его в руки и продемонстрировал свою готовность им пользоваться. Родители были в шоке: возможно, я слишком поспешил раскрыть свои знания касательно функций горшка, но терпеть вонючие пеленки сил моих больше не хватало. Пожав плечами, они сочли меня весьма умным ребенком, и с того дня я избавился от величайшей проблемы жизни — гадить под себя. Благо, мой сфинктер прекрасно меня слушался, и давал мне время добежать до горшка. Прекрасный выдался месяц.

Следующим пунктом по спасению значилось «дотянуться до ключей». Чтобы выполнить его, пришлось изрядно помучаться. Стул все же играл ключевую роль плана, ибо другого способа просто не существовало. Научившись ходить, я принялся таскать его из кухни в коридор, и оставлять у стены под ключами. Несколько раз удавалось на него взобраться (да-да, я ведь еще и руки подкачал), когда мама была занята на кухне. Выполнив пару таких тренировок, я был уверен, что смогу в нужное время на него залезть.

Мать сотню раз относила его на кухню, а я все время таскал обратно. Спустя пять дней, маме пришлось смириться с новым местом стула, и она от него отстала. Повезло, что стульев в доме хватало и без этого.

Залезая на стул, я убедился, что моего росточка все же не хватит, чтобы дотянуться до крючка. Не выручала ситуацию и моя лопатка, которой я тыкал в песок. Решение пришло неожиданно. Мать готовила ужин на сковороде, пользуясь кухонной лопаткой. После готовки она оставила её на столешнице, до которой я сумел дотянуться. Кухонная лопатка была вдвое длиннее моей детской, и идеально подходила для операции с ключами. Я спрятал её под кроватью в комнате, чтобы в решающий момент воспользоваться. Вот такой я, блин, молодец.

Я долго размышлял, когда лучше спереть ключи, чтобы родители не «спалили» меня в процессе. Я все же находился почти под постоянным наблюдением, а сделать задуманное мог только вечером или утром, когда отец дома. Но вечером меня чересчур опекали, а утром родители носились по квартире, и мне не хватило бы времени даже залезть на стул. Обдумав массу вариантов, я решил проверить дело ночью.

Эта часть плана столкнулась с небольшой проблемой. Кроватка. Выбраться из нее было

мне не под силу. Поэтому пришлось впервые за восемь месяцев устроить родителям серию бессонных ночей. Я орал во всю глотку и тянулся к маме ручками, пока она не брала меня и не клала между собой и отцом. Только тогда я умолкал и засыпал. Этот ход я проделал несколько раз для закрепления.

В ту важную ночь я снова лежал между родителями, дожидаясь, пока они крепко уснут. План был таков: бесшумно сползти с кровати, стащить ключи, запрятать их куда подальше и вернуться в постель так, чтобы не разбудить предков. По идее, ничего сложного.

Прождав час, я услышал храп отца и решил, что пора. По сантиметру, как гусеница, я медленно дополз на спине до края кровати. Перевернулся на живот, аккуратно слез на пол. Удостоверившись, что мои действия не повлияли на сон родителей, я тихонько вытащил из-под кровати кухонную лопатку, вышел из комнаты и максимально прикрыл дверь. Маленькими шажками, в непроглядной тьме, я доковылял до прихожей.

Положив лопатку на стул, я сам на него взобрался и включил свет. Протянул руку с лопаткой к ключам и вздохнул с облегчением: кухонный прибор, хоть и впритык, но доставал. Не спеша, я принялся двигать ключи лопаткой на край крючка. К моему раздражению, крючок был загнутым и все никак не давал ключам слететь.

Потратив минут пять, тыкая в них лопаткой, рука начала стремительно уставать. Пришлось остановиться, чтобы перевести дух, и заодно прислушаться к спальне. Тишина.

Чертов крючок делал мне вызов? Да я в тюрьме мог коньяк достать, а тут какие-то чертовы ключи! Разозлившись, я сделал резкий выпад лопаткой и неожиданно угодил в цель. Ключи подлетели и сорвались с крючка. Но в моем плане оказался упущен важный момент: ключей было несколько и, соприкасаясь, они создавали ненужный мне шум. А в ночной тишине, упав на пол, громкость, казалось, превысила все границы.

— Милый, где ребенок!? — к моему ужасу, звон ключей разбудил мать. Не мешкая, я хлопнул лопаткой по выключателю, и свет потух. — Леонас!

Я быстро слез со стула и принялся во тьме шарить руками по полу.

Где эти треклятые ключи?

Мать включила свет в комнате и открыла дверь.

Нашел!

Я рванул в туалет, совмещенный у нас с ванной комнатой. И успел вовремя: мать как раз выбежала в коридор. Соображая на ходу, я швырнул ключи под ванну, снял трусы и уселся на горшок. В следующую секунду в дверном проеме появились мать с отцом, глядя на меня испуганными глазами. С невинным видом я отливал в горшок.

Все получилось! Как же круто на душе! Удивившись, какой я самостоятельный, родители меня похвалили, но попросили впредь будить их, если захочу в туалет. С чувством выполненного долга, остаток ночи я проспал в своей кроватке.

Наутро меня ждала предсказуемая сцена. Отец носился по квартире в поисках ключей.

— Куда ж они могли подеваться? Мне нельзя сегодня опаздывать!

— Где ты их еще мог оставить? — спросила мама, помогая искать.

— Да нигде, они всегда висят тут! — он небрежно указал пальцем на крючок и принялся обшаривать карманы куртки.

Я лежал на родительской кровати, где меня оставила мать, и довольно улыбался. Смотрел в потолок, думая о смысле жизни. Человечество столетиями задается вопросом: в чем же этот смысл? Для чего мы живем? Не знаю, кто как, но знаю, зачем жил я. Для того

самого момента, когда услышу отцовские слова: «поеду автобусом».

Как же во мне все перевернулось, когда мать сказала:

— Не переживай, потом найдем. Возьми пока запасные.

ЗАПАСНЫЕ!?

Твою же мать! Что ж ты делаешь, сама мужа в гроб загоняешь!

Я аж вскочил от неожиданности. Смысл жизни летел к чертям, если есть запасные ключи. Нужно было срочно что-то придумать.

Отец зашел в комнату, подошел к серванту, достал из одной чаши ключ и положил его себе в передний карман рубашки. Я быстро слез с кровати и перекрыл собою выход.

— Леонас, малыш, я опаздываю. — Отец попытался меня обойти, но я вцепился ему в ногу.

— Ну что ты делаешь? — спросил отец.

Он оторвал меня от своей ноги и, взяв на руки, пошел к выходу. Лучше момента уже не будет, решил я, и залез в карман рубашки. Ключ тут же оказался у меня в руке, но отец сразу заметил кражу. Держа меня одной рукой, второй он попытался отобрать ворованное.

Не придумав ничего лучше, я быстро пихнул ключ себе в рот.

— Нет, стой, Леонас! — папа опустил меня на пол и выставил ладонь перед моим ртом. — Быстро выплюнь! Нельзя его кушать, плюнь!

— В чем дело? — подросла мать.

— Он взял ключ в рот. Нельзя глотать, плюнь!

Мама принялась лезть ко мне в рот. Я разрывался над вариантом: проглотить ключ и, возможно, задохнуться, или держать его во рту как можно дольше, отбиваясь от мамы. Во втором случае задержка могла дать отцу шанс избежать столкновения с ЗИЛом. Его я и выбрал.

Я отмахнулся от мамы и дал деру в комнату. Меня поймали, едва я сделал пару шагов.

— Леонас, выплюнь! — кричали по очереди родители, пытаясь открыть мне рот.

Я вдруг вспомнил фильм, где в центре сюжета стояла идея, что будущее изменить невозможно. Даже если появится шанс, и ты все для этого будешь делать, все твои усилия приведут к тому же исходу. Что, если я тянул время, и именно из-за этого ЗИЛ собьет мотоцикл? Может, не делай я ничего, отец проехал бы раньше грузовика и избежал столкновения?

За какое-то мгновение я сам себя сумел запутать и не знал, как быть дальше. Все решилось в следующую минуту. Мать взяла меня в крепкую охапку, просунула пальцы в рот и вытащила ключ. Отец быстро его забрал и бросился к выходу.

— Люблю тебя, до вечера! — крикнул отец через плечо.

— Папа!

Отец остановился. Он обернулся и огромными глазами посмотрел на меня:

— Что ты сказал?

Я сказал «папа», и он меня понял?

— Он сказал «папа»! — прокричала мать, начиная меня обнимать — Мой малыш сказал первое слово.

Отец вернулся ко мне и нагнулся со счастливой физиономией.

— Скажи еще раз. Скажи «папа».

— Папа — повторил я, чем вызвал дикий восторг родителей.

— Просто класс — улыбнулся отец.

— Вот так вынашивай его, рожай, а первое слово «папа». — В шутку обиделась мать.

— Вечером отпразднуем — сказал отец, поцеловал мать и пошел к выходу.

— Папа! — снова крикнул я, выставив вперед руку, но его это уже не остановило.

Улыбнувшись на прощание, он вышел из квартиры.

Каждая следующая минута тянулась для меня нестерпимо долго. Я переживал за отца, не переставая надеяться, что все же способен изменить будущее. Для чего еще тогда высшие силы засунули меня в мое детское тельце?

Спустя несколько часов раздался телефонный звонок. Никогда еще телефон не звонил до полудня. Я с ужасом смотрел, как мать берет трубку, отвечает, а потом меняется в лице, испуганно подносит руку ко рту. И во мне все оборвалось.

Я не справился, отец погиб. До какой же степени я все-таки бесполезный человек. Мать бросила трубку, быстро меня одела, взяла на руки, и мы вышли из дома.

Мама торопливо шла по улице, но я заметил, что идет она в другую от дороги сторону. То есть — не к автобусной остановке. Мои сомнения подтвердились, когда из соседнего дома к ней вышла... мать Латифы, вся в слезах. За ней торопились еще несколько мамаш.

— Она пропала полчаса назад, нигде не можем найти — плакала соседка.

— Не переживай, сейчас разделимся и найдем. Где ты её видела в последний раз?

— У песочницы. Я отвернулась всего на секунду... на секунду... — она залилась слезами, её принялись успокаивать другие мамы.

Латифа все же сбежала. Ситуация была прискорбной, но я чувствовал только облегчение. Ведь звонили не из-за отца. Во мне проснулась надежда, что, возможно, он сумел добраться до работы целым и невредимым.

Возможно, у меня получилось все изменить.

4 глава

9 месяцев

Прошел еще один месяц моей непростой жизни. Конечно, если вспомнить, с чего все начиналось, то сейчас мои дела шли лучше некуда. Я мог контролировать походы в туалет, умел ходить и, что немаловажно, значительно расширилось мое меню питания. Меня, наконец-то, перестали кормить грудью, вместо этого в рацион вошли каши, супы и даже филе рыбы. Мать дотошно придерживалась рекомендаций в подаренной книге, и меня это вполне устраивало.

Плюс ко всем мелким приятным моментам присоединился один существенный. Переломный! Как несложно догадаться, произошло это в тот самый роковой день. Около семи часов вечера, к моему счастью, домой с работы вернулся отец! За ужином он рассказал матери, как ехал утром на работу, и на его глазах произошла авария: грузовик ЗИЛ промчался на красный и протаранил новенькую волгу. Я уплетал кашу, не отрывая от отца взгляд, и все время улыбался. Одно простое слово «папа» сумело задержать его настолько, чтобы спасти от смерти. Как же я был рад, что так вовремя его произнес.

Мать рассказала отцу о пропаже Латифы. Стоит ли упоминать, что её так и не нашли. В тот день мы прочесали полгорода, но эта чертовка сумела остаться потерянной. Я тогда поймал себя на мысли, что не прочь услышать её историю о том, как годовалой девочке

удалось такое повернуть. Тем не менее, было больно смотреть на её мать и страшно представить, как она страдала весь последний месяц.

Шла вторая половина декабря, дело близилось к новому году. С чувством выполненного перед семьей и, своим будущим, долга, я позволил себе расслабиться. Мультки по телевизору уже не казались мне чем-то скучным и не интересным. Особенно про трансформеров, которые и вовсе нравились еще с прошлого детства. Я наслаждался каждой кашей, каждым принятием ванны, каждым мгновением, без боязни ожидая крещения.

Мое беззаботное времяпровождение закончилось за пару дней до всемирного праздника. Тем вечером мы традиционно сели ужинать всей семьей. Мать кормила меня с ложечки, параллельно обсуждая с отцом празднование нового года. Я мало их слушал, думая о своем, но в какой-то момент все же обратил внимание на новую тему их разговора.

— Знаешь что, — сказал отец — как ты смотришь на то, чтобы уже в январе мы купили себе машину?

— Хочешь снять с книжки все наши сбережения? — мать отнеслась к предложению с осторожностью.

— Мы их и копили на машину, разве нет? В любом случае, без денег не останемся. Купим «копейку», мотоцикл я продам.

— Что за «копейка»?

— Жигули. Отличная машина. Сделаем себе подарок на новый год.

— Не знаю, милый, — ответила мать, поднося ложечку к моему рту — тебя же вроде как планируют переводить в феврале. Может, сначала переедем, а потом купишь?

— А вдруг перевод задержат? Все может быть, сама понимаешь. Так или иначе, переехать мы можем как раз на машине.

— Нет уж, столько ехать в машине я не выдержу. Между прочим, нам 4 тысячи километров пилить. Поедем поездом. А машина никуда не денется.

Дальше разговор затянулся папиными доводами купить машину раньше, и мамиными аргументами отложить покупку на позже. Если б я мог встрять в их диалог, то оказался бы на стороне матери. Действительно, машину лучше было покупать на новом месте жительства.

Я знал, куда они собираются переезжать, ведь в итоге мы туда и переехали. Мама потом рассказывала мне эту историю. У нее в Украине жил отец, у которого была своя земля и два домика на территории. Один из них он держал для моей семьи. Родители давно хотели туда переехать, но моего отца все никак не хотели переводить. В прошлый раз он не дожил до этого момента, а мать... впрочем, осталось загадкой, почему она сразу не уехала к моему деду. Может, не смогла так быстро оставить могилу мужа в другой стране, может еще что. Но, когда родственники все же уговорили мать ехать, случилась беда. Банк заморозил сбережения. Не только её, всех жителей Советского Союза. Она застряла в Ташкенте на целый год, зарабатывая денег, чтобы покинуть страну. Тяжелые были времена.

И вдруг я понял. Мать была не права! Не права, уговаривая отца отложить покупку машины. Любой тупица знал, что союз развалился в конце 91-го года. Поскольку я был немного умнее тупицы, я еще и знал, когда банки перед этим заморозили все вклады, а произошло это в январе. В следующем месяце родители имели все шансы потерять свои деньги.

Осознав эту истину, я чуть не подавился кашей. Да, в этот раз ситуация складывалась удачней: отец не умер, он зарабатывал и был в состоянии кое-как содержать семью. Но, зная

то, что произойдет, я не мог спокойно наблюдать, как семья лишается средств для существования. Если отец уступит, а все к тому и шло, у него не будет ни машины, ни мотоцикла, ни денег. Едва я успел об этом подумать, как отец пожал плечами и сдался.

Черт возьми, его нужно было срочно заставить бороться за свое желание. Пусть уж лучше купит машину, которую потом в случае необходимости можно будет продать, чем совсем останется ни с чем. Дело оставалось за малым — придумать невероятный способ, каким 9-и месячный малец заставит взрослого мужика снять деньги с книжки, и потратить их на автомобиль. Или хотя бы просто снять деньги. Как, вашу мать, это сделать?

Час от часу не легче.

Мой первый, в новой жизни, праздник нового года прошел по большей степени мимо меня. После полуночи мать уложила меня спать — и на этом весь праздник. Даже в тюрьме разрешали «праздновать» до часу ночи. Но я не расстроился. Вот уже несколько дней все мое время занимал мыслительный процесс касательно новой проблемы. А думать было легче как раз ночью, в тишине.

К 2 января я вынужден был признать, что зашел в тупик. Каждая следующая идея оказывалась бредовее предыдущей, и даже более-менее приемлемая отличалась своей невероятной тупостью. Иногда мне хотелось плюнуть на все, взять ручку с бумагой и ошарашить отца подробным письмом, почему ему немедленно стоит бежать в банк за деньгами. Но этим я мог нарушить что-то в его и маминой психике, поэтому вариант был неприемлемым. Не прокатывал тут и способ поговорить с предками по душам. Даже, если б я умел выговаривать все слова и смог нормально объяснить ситуацию — удар по психике родителей был бы обеспечен. Возможно даже, они вызвали бы священника, чтобы тот изгнал из моего тела злой дух.

Нет, я должен оставаться ребенком в их глазах, и мне следовало придумать хитрый план, при этом, не выдавая себя. Беда в том, что нихрена толкового у меня не получалось. Чтобы лучше объяснить, насколько все печально с идеями, моя лучшая задумка заключалась в том, чтобы симитировать свое похищение. Я всерьез рассматривал вариант создать письмо от якобы похитителей, вырывая из газеты нужные буквы и приклеивая их на бумагу в виде требования выкупа. Родители, получая письмо, сняли бы деньги и ждали дальнейших указаний, а потом я бац, и возвращался бы в нужное время. Итог: деньги не в банке — задача выполнена. Вот только мне пришлось бы провернуть исчезновение в стиле Латифы, где-то прятаться несколько дней, даже не представляя, послушались ли предки. Опять же, мать сошла бы с ума, а я дал себе обещание не расстраивать её.

В общем и целом — разумных и исполнимых идей не было. Я уже совсем закипал от злости, когда мои дневные размышления на кровати перебил визит отца. Он зашел в комнату и принялся меня молча одевать. Видать, решил выгулять, хоть и погода не из теплых. С другой стороны, свежий воздух мог пойти мне на пользу, глядишь, какая мысль умная родится.

Выйдя на улицу, отец, однако, не отпустил меня с рук и вместе с матерью пошел в сторону гаражей. Они обсуждали приглашение кого-то в гости на вечер, но не обмолвились и словом о том, куда направлялись. Гуляние явно не предвиделось. Дойдя до нужного гаража, отец вывел свой мотоцикл с коляской. Мать села в коляску со мной на руках, отец запрыгнул за руль и вдавил на газ.

За пятнадцать минут мы домчались до неизвестного мне жилого дома и остановились

во дворе. В следующий миг из подъезда вышел... мой крестный. Он был папиным другом и сослуживцем. Я не видел его с самого детства, лет уже примерно двадцать, но сразу узнал по характерному шраму на брови и по усам.

В меня начало закрадываться плохое предчувствие. Я всегда гордился своей чуйкой, которая даже однажды спасла мне жизнь в тюрьме. Один недалекий идиот как-то раз проигрался мне в карты пачку сигарет, после чего решил отомстить по-своему. Наострил заточку и подкрался со спины. Я затылком почувствовал неладное и вовремя обернулся, чтобы избежать удара. Заточка тогда вместо моей почки вошла в его ногу, и он, после, принял решение больше ко мне не подходить.

Чуйка не подвела и на этот раз. Когда родители со мной и крестным обошли дом, вдалеке я увидел церковь. Тогда то все стало ясно. Близился мой конец, приплыли.

У церкви нас уже ждала моя крестная, с платком на голове. Я как-то ни разу не обращал внимания, какая она милая и красивая на вид. С ней я тоже не виделся много лет, а потом, когда мне было двадцать шесть, она полетела на отдых, и самолет разбился. В катастрофе погибли все до единого. Вернее, еще погибнут, потому, что некому будет этому помешать.

Я не боялся того, что должно произойти и с пониманием относился к правилам игры. Было время, я мирился со своей участью. Считал, что выполнил то, ради чего переродился: спас отца, подправил свою судьбу и незачем больше оставаться.

Но вот же дерьмо, все изменилось! Я не был готов, не сейчас! У меня была миссия, незаконченное дело, мои родители заслуживали на лучшую жизнь, чем та, что их ждала. И только я мог им её обеспечить.

Когда крестная взяла меня на руки, я включил сопротивление. Я изворачивался, орал и махал руками. Родители пытались меня как-то успокоить, но я не сдавался. Долой гордость, настало время показать настоящего ребенка. Приоритетом являлось, во что бы то ни стало, перенести крещение на другой день. Однако крестная крепко меня обняла, развернулась и пошла в церковь, оставив родителей позади.

Внутри нас уже ждал священник, который почти сразу меня перехватил и приступил к делу. Я брыкался, как мог, но он крепко держал и читал молитву.

— ...благослови и сей елей силою, и действием, и наитием Святого Твоего Духа...

Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами. У меня ничего этого не было. Был только гнев! Несправедливо, что мне выпал шанс повторно пройти свой путь и все заканчивалось так быстро. Я поздно осознал привилегию, которой обладал; жаловался на свое положение большинство времени, а оно оказалось вовсе не проклятием, а даром свыше! Я мог влиять на свою судьбу, мог вносить изменения в ситуации, о которых знал из прошлой жизни. Я имел то, чего не было ни у кого. Знания! И сейчас у меня хотели все это отобрать.

— ...и Благого, и Животворящего Твоего Духа, ныне и присно, и во веки веков...

Священник крепко держал меня одной рукой, а второй обливал водой лоб, грудь, уши, руки и ноги. Я кричал, как резаный, но все напрасно. Он взял меня двумя руками и поднес к чаше с водой, намереваясь окунуть. Я ухватился всеми конечностями за края чаши, но моих сил не хватало, чтобы противостоять взрослому человеку.

— Крещается раб Божий Леонас во имя Отца... — он окунул меня в воду.

«Прошу всех встать и приветствовать верховного судью всего сущего...»

Я испуганно завертел головой в поисках хозяина голоса, который, казалось, говорит мне прямо в ухо. Но, кроме священника и крестных, вокруг никого не было.

— ...и Сына... — священник еще раз окунул меня в воду.

«...а так же высшие силы, избранные для сего заседания великим и всемогущим...»

Меня охватила паника. Я точно слышал голоса, но не мог понять, откуда они берутся. Неужели так наступает смерть?

— ...и Святого Духа... — священник окунул меня в воду третий раз.

«...да начнется справедливый суд».

Я не был экспертом, но мне явно показалось, что моя душа покидает тело. Ко мне больше никто не прикасался, никуда не окунал. Я лишь открыл глаза и увидел внизу, под потолком, священника, который держит годовалого ребенка над чашей с водой. Увидел крестных, мирно ожидающих окончания крещения. Я поднимался выше и чувствовал необычайную легкость. Видимость постепенно таяла, покрывалась мутной пеленой, пока не растворилась в белом ярком свете. До меня эхом, будто с того света, донесся голос священника:

— Ныне и присно и во веки веков. Аминь.

5 глава

Лео очнулся, лежа грудью на столе. Он с трудом приподнял голову, и едва смог раскрыть глаза, будто приходил в себя после длительной комы. Когда зрение и сознание пришли в норму, он с удивлением уставился на свои руки. Это были руки взрослого человека, каким он уже разуверился себя почувствовать. Он потрогал свое лицо и погладил щетину, убедившись в том, что уже не ребенок.

Лео осмотрелся по сторонам и быстро сообразил, что сидит за столом в зале суда внушительных размеров. Пол, стены и потолок отсвечивали белым ярким светом, как снег в ясную погоду. За его спиной находилась толпа зрителей, оживленно переговаривающаяся между собой. Сбоку на него оценивающе смотрела дюжина человек в белых одеяниях. Присяжные — подумалось Лео — вот, значит, как отправляются в смертный путь. Даже тут судят.

— Прошу тишины — послышался громкий басистый голос из-за судейского стола.

Лео перевел туда взгляд и увидел грозного на вид судью лет 60-и, в белой роскошной мантии и с молотком в руках. Он несколько раз ударил молотком, но шум не стихал.

— Тишина! — прогремел судья на весь зал.

Разговоры в ту же секунду прекратились, и все зрители обратили на него внимание. Судья глазами, полными отвращения, посмотрел на Лео.

— Лео Рутис, — сказал он, опустив взгляд на свои бумаги — очередной неудачник, который спустил свою жизнь в канализацию. Приверженец грубой силы, наркоторговец, вор, убийца и просто отвратительный человек, — судья снова посмотрел на Лео — который не сделал ничего хорошего.

Лео ответил судье ядовитым взглядом. Он и сам не гордился своей запущенной жизнью, но ему не нравилось, когда на это кто-то указывал и, тем более, в открытую оскорблял. Судья перевернул страницу в связке бумаг и продолжил.

— Прошу обратить внимание уважаемых высших сил на некоторые из многочисленных мерзких деяний сего подсудимого.

Дюжина присяжных разом перевели взор на судью.

— Первая же запись датируется вторым днем от момента полового созревания и начала учета грешной жизни. 14 лет — избил одноклассника за проявление тем интереса к девушке

по имени Алиса. Сломал ему нос и руку, отчего мальчику пришлось завязать с боксом и, впоследствии, не стать всемирно известным боксером.

Лео вспомнил эту историю, но он не чувствовал в ней своей вины. И раз уж терять ему было нечего, он решил высказывать свое мнение по всему, с чем не согласен.

— Он по-хамски приставал к ней! — выкрикнул Лео — Отказался отступить, когда я вежливо попросил, и первым нанес удар!

— Удивительно, что девушка в будущем превратилась в вашу первую любовь — судья сощурил глаза, глядя на Лео. — Впрочем, вы и её загубили.

Лео недовольно смотрел на судью, борясь с желанием вскочить с места, подбежать и забить его насмерть. Он бросил беглый взгляд по сторонам, где за ним пристально следили крепкие на вид охранники. Ему не удалось бы выбраться даже из-за стола, как его тут же скрутили бы в узел.

— С пятнадцати лет занимался торговлей наркотиков, — продолжил судья — которые со временем умертвили двух людей и еще троих положили под капельницы.

— Что еще мне оставалось делать после смерти матери?

Судья перевернул половину страниц, пропуская несколько лет грешной жизни Лео.

— Двадцать пять лет. — Продолжил он — Работая на заводе, проникает в офис директора, избивает до полусмерти охранника, вскрывает сейф и ворует деньги в особо крупном размере. Лишает зарплаты двухсот сотрудников, пытается бежать из страны, но его ловят на границе.

Лео раздраженно вздохнул. Он не гордился этим поступком, но другого выхода в тот момент не смог найти. Погрязнув в долгах на карточных играх, выбор оставался невелик: украсть деньги или умереть.

— Да, черт возьми, я был не самым примерным гражданином, но...

— Черт возьмет, в этом не сомневайтесь — язвительно проговорил судья, переворачивая остальную половину листов. — Боюсь даже представить, что вы творили в тюрьме — он остановился на последней странице.

— Все, чтобы выжить — тихо ответил Лео.

— Даже, выйдя на свободу, — заговорил судья — ввязывается в криминальное дело, во время выполнения которого убивает трех людей огнестрельным оружием.

— Это была самозащита!

— Лео Рутис, — судья отложил в сторону страницы с грехами — перед вынесением приговора готовы ли вы покаяться за свои деяния и понести справедливое наказание?

— Наказание!? — Лео вскочил с места. Каждое слово судьи его невыносимо раздражало, но финальное стало последней каплей. Охранники тут же напряглись, но пока не двигались с места. — Я отбыл свое наказание! Пять лет тюрьмы строгого режима! Вся моя жизнь — сплошное наказание! Поэтому засуньте свои предложения себе в зад, и поскорее избавьте меня от этого дерьма!

Присяжные один за другим подняли руки и слегка ими повертели. От них по всему залу прошелся легкий гул, будто они играли рукой на невидимом музыкальном инструменте. Судья схватил молоток и указал им на Лео, наслаждаясь каждым следующим своим словом.

— Лео Рутис, единогласным решением высших сил и волею всемогущего я приговариваю вас к вечным мукам в самой глубокой адской впадине. Данный приговор призываю быть исполненным немедленно! Горите в аду!

— Пошел ты! — крикнул Лео. Плевать на всё. И будь, что будет.

Судья высоко занес молоток, чтобы произвести им невероятной силы удар, как вдруг входные двери судебного зала с грохотом стукнулись о стену.

— СТООООООООП!!! — закричал щуплый мужчина, ворвавшись в зал.

Судье не хватило какого-то мгновения, чтобы молоток коснулся блина, после которого Лео в один миг провалился бы в адскую ссылку. Гость остановился у дверей, держа в руке папку с бумагами. Он был невероятно худой с прилизанными назад волосами, одетый в белый пиджак и брюки.

— Да как ты смеешь! — закричал судья.

— Ваша честь, — крикнул гость — разрешите срочно подойти!

— На данном заседании не требуются услуги адвоката, Рион.

— В моих руках указания воли всевышнего, ваша честь — Рион приподнял свою папку. — Приказано вручить лично вам для немедленного ознакомления!

Судья несколько секунд размышлял над услышанным, после чего нехотя положил молоток рядом с блином и кивнул Риону. Адвокат быстрым шагом прошел по проходу, встретившись по дороге взглядом с Лео, и остановился у судейского стола. Он передал судье папку, из которой тот достал бумаги и принялся читать.

— Ты издеваешься надо мной, Рион!? — крикнул судья адвокату в лицо.

— Никак нет, ваша честь.

— Хочешь сказать мне, — зло швырнул бумаги судья — что это ничтожество — тыкнул пальцем в Лео — заслуживает на нечто подобное?

Лео сердито смотрел на судью, не отрывая взгляда. Рион потянулся ближе к судье и заговорил почти шепотом. Никто из окружающих не слышал их дальнейшего разговора.

— Данного заседания вообще не должно было происходить — зашептал Рион. — Он от рождения занесен в «Белый архив». Причем его имя стоит рядом с такими, как Тесла, Эйнштейн... эээ... Гейтс. Появление здесь Лео — чудовищная ошибка. Кое-кто забыл поставить кое-где нужную галочку. От этого вся беда. Виновник уже наказан.

— Неужели в целом мире нет никого другого, кто сумел бы выполнить его работу? — судья от злости перешел, чуть ли, не на рычание.

— Вы знаете ответ на свой вопрос. Люди из «Белого архива» незаменимы. Если не он, то никто. А так быть не может.

— Ной был не первым, кому доверили строить ковчег — сказал судья, питая призрачную надежду, что его пример может что-то изменить.

— Это, скорее, исключение, подтверждающее правило — улыбнулся Рион.

Судья безвыходно закрыл глаза, повинаясь распоряжению свыше. Помедлив, насколько мог себе позволить, он выпрямился, взял молоток и с отсутствующим выражением лица посмотрел на Лео.

— Уверен, мы еще встретимся здесь — и он оглушающе стукнул молотком.

Рион развернулся и быстро подошел впритык к Лео, прошептав чуть ли не с угрозой:

— Переставай валять дурака. Теперь все зависит от тебя. Делай, что должен.

6 глава

— Что я должен делать? — крикнул я, но вдруг понял, что судебный зал не услышал моего вопроса. Я едва успел открыть рот, как картинка передо мною резко сменилась. Мой крик в виде детского лепета услышала только крестная, несшая меня на руках. Она

посмотрела мне в глаза и мило улыбнулась:

— Все закончилось, маленький. Все хорошо.

Я выгнул голову, насколько смог, и осмотрелся. Увидел потолок церкви, а в следующий миг — ясное синее небо. Крестная вынесла меня на улицу и передала в руки счастливой матери. Мне понадобилось несколько секунд, пока до меня дошло.

Я не помер!

Вот так номер.

Надеюсь, крещение не превратило меня в поэта, только этого не хватало. Но лучше так, чем в мертвеца. И что это была за фигня с судом? Я реально чуть не отправился в ад? Или это мой мозг в состоянии аффекта выдал такой причудливый сюжетец?

Предположим худшее. Рай и ад существует, ибо суд выглядел очень даже реалистично. Куда реалистичней тех снов, после которых просыпаешься и думаешь, какие же они реалистичные. В таком случае я вполне мог быть окутан сейчас пламенем, не появившись вовремя тощий мужичок.

Смешно, но мы же только предполагаем.

«Делай, что должен». Хммм. Ну, это мог сказать мне как мужичок, так и собственное подсознание. Ведь никакой конкретики я не услышал и, в принципе, ничего особо нового не узнал. Судья перечислил мои грехи, но это тоже могло сделать подсознание. Блин, ну не верю я в эту чепуху с божеством.

Я вдруг подумал о Латифе. Может, зря она сбежала? Я вот после крещения не исчез, что, если и она бы осталась? С другой стороны, ситуации у нас разные. Она то застряла не в своем теле, а в чужом.

Ладно, хорошо. Предполагать, что нами с неба кто-то управляет, легче, когда вспоминаешь, что за 2020-ым для меня резко последовал 1990-ый год. Не сам же я отправил себя в детство. Но если у Латифы на её случай была собственная неплохая теория, то, как на счет меня? Почему меня вернули? Чтобы «сделал, что должен»? Интересно, и что же я дол...?

Спасти родителей!

Черт возь... эээ... нет, не возьми! У меня же есть незаконченное дело! Совсем скоро мои предки могли потерять сбережения. Вряд ли именно на это намекал тощий, но сейчас их спасение — приоритет. Я задействую все свои детские силенки и все свободное время, но придумаю, как заставить отца забрать деньги из банка. Я вернулся с того света... предположительно... и теперь меня ничто не остановит на пути к новому будущему.

Я справлюсь!

10 месяцев

Я не справлюсь. Дела мои — полная дрянь.

Едва родители вернули меня после крещения домой, я тут же приступил к разработке плана. И вот, две недели спустя, у меня — ноль без палочки. Ровным счетом нихрена!

Даже дядьки на небе, если они там есть, не смогут меня упрекнуть в том, что я не старался. Подготовку я начал с того, чтобы разучить новые слова. «Папа» и «мама» у меня легко произносились, за ними последовало прекрасное «дай». Кстати, благодаря этому слову я мог, практически всегда, сам выбирать себе еду. В разумных рамках, конечно. Когда отец пил пиво перед телеком, а я крикнул «дай», он только посмеялся. А вот когда мать хотела

покормить меня противной кашей, а я сопротивлялся, указал пальцем на фрукты и сказал «дай», она организовала из них очень даже приемлемое пюре на ужин.

Следующим словом для изучения я выбрал «машина». Справился с ним довольно быстро. Хотя на выходе родители слышали «мафына», они прекрасно понимали, о чем речь. Выбрал я его неспроста. С него начиналось осуществление моего не самого гениального плана. А именно с мозговой атаки. Нет, атаковал я не свой мозг. Предков.

«Мафына» превратилась в самое произносимое слово последней недели. С него начиналось утро, и оно же звучало перед сном. Когда отец брал меня на руки, он слышал только — «мафына». Подряд сотни раз. Я умолкал, лишь, когда пересыхало во рту. Но стоило попить водички, «мафына» возвращалась.

Однажды дома я взял в руки игрушечную машинку и мотоцикл, дождался появления отца и устроил показушную игру. Мотоцикл в моих руках спокойно ехал по дороге, когда его, к чертям собачим, сбила машинка. Мотоцикл улетел в другой угол комнаты, а я с гордостью выставил перед отцом машинку, и выкрикнул «мафына». Показанной сценкой хотел тонко намекнуть, что мотоцикл не самый безопасный транспорт, по сравнению с автомобилем.

В другой день, во время прогулки с родителями, я увидел, как к подъезду подъехал на «копейке» сосед. Пока он ходил копаться в багажнике, я рванул к его машине. Сосед не захлопнул дверцу, чем я и воспользовался. Отец не успел до меня добежать, как я сел за руль и заорал «мафына».

Однако, как бы я не старался, ничего из этого не помогало, мозговая атака себя не оправдывала. Но я не сдавался. Хотя от слова уже изрядно тошнило, я знал, что стоит на кону.

Однажды вечером я подошел к отцу, держа в руках его сберегательную книжку, протянул ему и сказал... ну, вы поняли, то самое слово.

— Ты как её достал? — обалдел отец и забрал свою книжку.

— Мафына! — снова крикнул я.

Отец посмотрел тогда на мать.

— Слушай, мне кажется, или Леонас реально намекает нам, что пора покупать машину? Да не уж то, подумал я! Прогресс! Неужели мои мучения увенчались успехом?

— Хорошая попытка, — ответила мать — научил сына слову, чтоб он меня замучил, и я дала согласие на покупку?

— Ничему я его не учил.

— Ну да, он сам взял и выучил его. Не прокатит, машина будет после переезда.

Я так разозлился из-за своего провала, что крикнул:

— Дерьмо!

Из моего рта вырвалось «Деймо!», и родители уставились на меня огромными глазами.

— Что он сказал? — испугалась мать.

— Дай... мама... — кое-как исправился я.

Родители тогда успокоились, а вот я нисколько. Штурм провалился, продолжать не было смысла.

И на это я угробил две недели!

Особая паника у меня началась, когда пару дней назад, по телеку, министр финансов объявил, что не планируется никакой денежной реформы. То самое объявление, после которого реформа очень быстро должна была случиться и провалиться. А значит, родителям оставалось совсем немного до банкротства. Точнее, не больше недели.

Я продолжал думать. Каждый день я просился на улицу, несмотря на довольно прохладную январскую погоду (8 градусов тепла). Гуляние на свежем воздухе помогало мне лучше соображать. И, тем не менее, хорошие идеи мою голову никак не хотели посещать.

В последнее воскресенье, каким можно было смело его назвать для банковских счетов всех жителей, я снова вывел родителей на прогулку. Пока они наблюдали за мной с лавочки, я взял палочку и ковырялся ею в земле, изображая занятость. В стороне от меня гуляли две девочки, чей возраст едва ли превышал год. Вот уже минут десять, они вели безумно важный, по видимости, разговор. Каждая по очереди что-то вякала собеседнице, и активно жестикулировала руками.

Наблюдая за ними какое-то время, я потерял нить размышлений. Они изрядно отвлекали своей болтовней. Правильно говорят, что женщины начинают трепать языком с самого детства. Я подумал: будь я обычным ребенком, то наверняка бы понимал, о чем они трещат. А так оставалось только догадываться и самому придумывать за них реплики. Чем я и занялся, чтобы немного развлечь себя. Да и отвлечься от постоянных раздумий полезно.

— *Сижу я как-то на горшке, а из меня как вылезет такая вот хреновина!* — Полноватая девочка в розовой шапке развела руки в стороны.

— *Чем тебя кормят? Рискуешь отрастить себе огромный зад* — девочка в синей шапке указала пальцем куда-то вниз, но я представил, что говорит она именно про зад.

— *Утром обглодала шесть куриных ножек. Надеюсь, все в грудь уйдет* — полноватая девочка потыкала пальцем в грудь собеседнице.

— *А у меня на завтрак только кипяченая вода. Выросту, буду стройной. Стану моделью.*

— *Или проституткой.*

— *Обеим неплохо платят.*

— *А я устроюсь на скотобойню. Буду мочить коров, и жрать их.*

— *Какие прекрасные планы.*

На этом их беседа, наконец, прекратилась. Полноватая девочка вдруг обратила внимание на мою палочку. Она тут же подбежала, выхватила её из моей руки, и сама принялась играть. Как же пошло это могло бы прозвучать, не будь мы детьми.

Девочка в синей шапке убежала к своему отцу, который сидел на лавочке и общался со вторым папашей. Обоим на вид было лет за тридцать. До меня донесся их разговор.

— Мой тебе совет, переводи все в валюту — сказал один второму. Его, как позже выяснилось, звали Рустам. — Я вот банку вообще не доверяю. Давно уже все снимал и обменял. Чую, скоро вся эта система накроется к едрене фене.

— Ниче с ней не случится — уверенно ответил второй, отец полноватой девочки. — Да и как их обменять? Я то в Америку не еду. Банк просто так менять не станет.

Ох уж этот Союз. Продавал валюту только выезжающим за границу.

— А черный рынок на что? У меня есть пару знакомых, могу свести — Рустам на всякий случай обернулся, никто ли не услышал.

— Нет уж, спасибо. Все это нелегально, мне такого не нужно. С рублем ничего не случится. Он всегда был и будет дороже валюты.

Ага, подумал я, наивный. И Рустам, будто прочитав мои мысли, продолжил.

— Наивный ты. В стране черти что происходит. Общался со знающими людьми, так они говорят, тут такой кризис надвигается. Пока рубль еще имеет ценность, нужно от него избавляться. В общем, не жалею, что сваливаю в Америку.

Умным дядькой оказался этот Рустам, дело говорит. Вот бы мои так же соображали. Я бы с удовольствием подсказал им, но даже не знал, как заставить отца просто снять деньги со счета. А уж уговорить его обменять их на валюту и вовсе не реально. Он типичный военнослужащий: правильный, ответственный, законопослушный. Он бы мог меня хорошо воспитать в прошлой жизни. Впрочем, может, в этой сумеет?

— Уже нашел, кому пристроить свою «копейку»? — спросил собеседник у Рустама, кивнув в сторону на белый автомобиль ВАЗ 2101.

— Если бы! Не знаю, как успеть продать её до отъезда. Даже цену снизил до пяти с половиной. У всех, видишь ли, есть уже машина. Или нету денег. Тебе, кстати, вторая не нужна?

Я больше не слушал их разговор, мой взгляд застыл на «копейке» Рустама. На вид, как только что с конвейера. Новенькая, блестящая. Что, если мои предки заинтересуются низкой ценой и купят её? Таким образом, смогут спасти большую часть своих денег.

Едва эта мысль пришла мне в голову, отец с матерью поднялись с лавки.

— Леонас — послышалось за спиной.

Я обернулся, ко мне шел отец. Родители, видать, решили закругляться с прогулкой. Я застыл в нерешительности на месте. Если сейчас же ничего не предпринять, другого шанса точно не будет. А поскольку лучше идей все равно не было, я начал действовать.

Вместо того чтобы бежать к отцу навстречу, я бросился в противоположную сторону — к Рустаму.

— Леонас! — закричал отец и побежал за мной.

Быстро преодолев короткую дистанцию, я вцепился Рустаму в ногу и закричал:

— Мафына, мафына, мафына, мафына, мафына!

А как еще свести продавца с потенциальным покупателем, если тебе всего десять месяцев?

Отец принялся отрывать меня от чужой ноги, параллельно извиняясь перед Рустамом. Того это только позабавило. Наконец, папа справился с заданием и взял меня на руки. Я схватил его за щеки и начал дергать, пытаюсь развернуть лицом к продаваемой «копейке».

— МА-ФЫ-НА! — кричал я уже по слогам.

— Извините, — еще раз сказал отец Рустаму — он просто помешан на этом слове. Причем, сами не знаем, как он сумел его выучить.

— Может, вырастит гонщиком? — улыбнулся Рустам.

— Может.

Отец развернулся уходить. Я одной рукой потащил его за щеку, а второй указал на «копейку».

— Папа, мафына! — отчаянно крикнул я.

— Да, совсем скоро и у нас будет такая — сказал отец.

Похоже, не будет — подумал я и разочарованно вздохнул. Не хочет отец слушать мудрые советы 10-и месячного ребенка — ему же хуже. Когда подрасту, и они с мамой расскажут мне, как злобное государство лишило их денег — я напому ему этот момент.

— Простите, вы планируете покупать машину? — окликнул отца Рустам. Я даже не поверил, что этот вопрос действительно прозвучал. Отец обернулся.

— Да, надеюсь в следующем месяце, если все получится.

— Я как раз продаю машину. Вон она стоит — Рустам указал пальцем на свою «копейку». — Купил её месяц назад за семь тысяч, но так вышло, что уезжаю в Америку

навсегда. Готов отдать за пять с половиной, если решитесь в ближайшие шесть дней.

Я с надеждой посмотрел на отца и увидел его задумчивое лицо. Хороший знак. Но тут подошла мать:

— Что случилось?

— Тут мужчина машину продает, — начал объяснять отец, указывая на «копейку» взглядом — за пять с половиной.

— Меня Рустам зовут, живу в первом подъезде — он указал пальцем на подъезд нашего дома. — Она в отличном состоянии, есть все документы и...

— Извините, — перебила мать — мы планируем переезжать через месяц, и хотели купить машину уже на месте.

— Мама! — крикнул я. Так и хотелось добавить: «какого хрена?» Странное чувство, когда родная мать регулярно старается испортить любой план по спасению её же будущего.

— Сейчас придем домой и покушаем — ответила мне мама, решившая, наверное, что я от голода «мамкаю».

— Мафына! — Да не хочу я жрать, купите же эту чертову машину!

Родители развернулись в сторону дома, но Рустам, к моей радости, не хотел их так просто отпускать.

— Отдам вам её за пять.

Мать уже начала учтиво отказываться, но её на полуслове прервал отец.

— Слушай, мы меньше, чем за семь, не купим такую.

— Вы молодая семья, растите ребенка, — добивал их Рустам — деньги вам еще пригодятся, зачем переплачивать?

— И ты переживала, что мы потратим все сбережения — сказал отец. — А так еще останется немало.

Мать задумалась:

— Давно она у вас?

— Ей месяц отроду, — воодушевился Рустам, предвидя продажу — купил по огромному блату. Дешевле и новее, чем эта, вы точно нигде не найдете.

В теперешние времена машины практически отсутствовали в свободной продаже. Для покупки необходимо было прибыть в автомагазин и записаться в очередь. Которая вообще не двигалась. Достать новенькую возможно было только через хорошие связи. Поэтому люди часто перекупали с рук. Бывало, что с рук они стоили даже дороже новой. Поэтому, в словах Рустама звучала истина.

Когда же мать с отцом посмотрели друг другу в глаза, я понял, что они её тоже осознали. Это был он. Успех! Я все-таки справился! Не хватало лишь окончательного подтверждения моего предположения. В следующую секунду отец это исправил. Он повернулся к Рустаму:

— Что, если я зайду к вам через часик, и мы посмотрим документы?

7 глава

6 лет

Парам-пам-пам! Недавно мне стукнуло шесть лет! Если еще учитывать тридцать лет прошлой жизни — уже немалый возраст! Отпраздновал, однако, скромно. Родители

предлагали пригласить самых близких друзей со двора. Рассчитывали, что припрется человек двенадцать малышей. Но я позвал лишь одного — Дэна. Он жил двумя этажами ниже в моем подъезде. Родители еще, конечно, пригласили соседей, а те пришли со своими отпрысками, но не суть.

В прошлой жизни Дэн был моим одноклассником. Планировалось, что в этой — ничего не поменяется. Мы неплохо общались, хоть он и не выделялся особой коммуникабельностью. Даже в шестилетнем возрасте Дэн явно отставал от остальных по общению, был довольно замкнутым. Блин, может, мы дружили потому, что и я тогда был таким же странным?

Так или иначе, в школе наше общение постепенно угасало, и к десятому классу я стал крутым, а он практически изгоем. В тот же год Дэн сбежал из дому и пропал без вести. А чуть позже — его тело выловили в реке.

В этот раз я планировал не допустить повтора. Поставил себе цель раскрепостить его, закалить характер и придать самоуверенности. Подобное я уже проворачивал в тюрьме с одним из новеньких. Результаты превзошли тогда все ожидания. С Дэном должно было быть куда проще, потому, что начал я с самого детства. Что, если это и являлось смыслом моей перерожденной жизни? Не дать умереть старому другу, из которого в будущем может получиться великий человек? Но, даже если нет, я все равно собирался довести дело до конца.

Кстати, вы, возможно, заметили мое упоминание о том, что жил я в многоэтажном доме? А не в частном у бабушки, куда родители планировали переехать из Ташкента. Что тут скажешь — эффект бабочки. Но давайте все по порядку.

В первую очередь, с гордостью заявляю, что отец все же купил машину Рустама. Родители оставили на своих счетах по тысяче рублей, остальное отдали за новенькую «копейку». Спустя неделю, угадайте, что? Правильно, банки заблокировали все сберкнижки, разрешив гражданам снять максимум по пятьсот рублей. Итого, предки, вместе взятые, потеряли лишь тысячу. Но отец, примерно за эту же сумму, продал мотоцикл. Поэтому, можно было уверенно сказать, что для них все сложилось удачно.

В следующем месяце мы, как и планировалось, дружно покинули Узбекистан. Первые три года жили в бабушкином доме, после чего отцу на службе выдали двушку в новостройке. Такие вот дела.

За последние годы ничего выдающегося не произошло. Я, как и положено, сменил горшок на стандартный унитаз, мог кушать любую еду, и полностью научился говорить. В моей речи страдало лишь произношение буквы «р», но и эта проблема со временем обещала решиться.

Чем особенно мне нравился мой возраст, так это походами в детсад. Родители отдали меня туда сразу после переезда. Знаете, обычно все дети ненавидят детский сад потому, что там заставляют спать днем. Они мечтают поскорее уйти в школу, а когда оказываются там — ненавидят и её. В итоге многолетняя учеба так достает, что люди мечтают устроиться на работу. И вот, работая за гроши с утра до вечера, они, наконец, понимают, как классно было спать в детсаду. В свое время это понимание приходило и ко мне.

В этот раз я сразу решил наслаждаться всем, что предлагает беззаботное детство. Вкусный борщ на обед, дневной сон, игры, утренники по праздникам. Но главный кайф был даже не в этом.

Няня!

Вот, что особенно меня радовало, несмотря на подъем в семь утра каждый день. Я

прибежал в детсад и бросался на руки к нашей прекрасной молоденькой нянечке. Я спокойно хватал её за грудь и сжимал, сколько хотел, а она лишь мило улыбалась. Ведь я же маленький. Я ничего не понимаю. Конечно, мое тело еще не умело возбуждаться, зато сознание — очень даже. И единственный минус моего детства заключался в том, что до секса терпеть еще, как минимум, десять лет. Целая вечность.

Но не будем о печальном, лучше — о полезном.

Мое натаскивание Дэна с практической стороны началось через три месяца после дня рождения. Когда в детсаду все хорошенько выпались, воспитатели вывели детвору во двор. Я, в основном, катался на скейтборде вокруг здания, потому, что играть в квача или попусту носиться за кем-то меня не привлекало. Когда же скейт забирал кто другой, приходилось теряться в толпе, изображая веселье. Стоять в сторонке от всех этих тупых детей было не вариант: со временем воспитатели могли озаботиться моим отшельничеством и, чего доброго, принять какие-то воспитательские меры.

Вот, уже который день подряд, скейт доставался мне, и я наматывал привычные круги. Подумывая о карьере футболиста, как основе своего будущего, я вдруг увидел Дэна.

— Я сказал, давай сюда! — крикнул на него Фазан. Это фамилия огромного, для своего возраста, паренька-переростка из параллельной группы. Я не знал его имени и, похоже, его вообще мало кто знал. Все называли его Фазаном. Он был вдвое шире обычного ребенка и почти на голову выше. Пользуясь габаритами, он вечно к кому-то приставал и частенько доводил до слез. На него уже не раз жаловались мамы обиженных детишек.

За Фазаном таскалось два хиленьких парнишки. Прямо зародыш будущей банды. Все троим они нависли над Дэном и требовали игрушку, которую тот крепко сжимал в руке.

— Она моя — неуверенно ответил Дэн, опустив голову.

— Она мне нравится, я хочу ею поиграть — твякнул Фазан.

— Ты ломаешь.

Фазан толкнул Дэна в грудь. Тот устоял на ногах, но собирался в любой момент расплакаться. Тут на скейте подкатил я.

— Чего-то хотели? — подошел я к Фазану. Тот обратил внимание на мой скейт.

— Хотели на твоей доске покататься. Давай сюда.

— Обойдешься — ответил я и повернулся к Дэну. — Слушай, Дэн, дай ему по морде.

Да, радикально, но иногда постоять за себя можно только таким образом.

Фазан скорчил гневное лицо:

— Я щас сам тебе дам по морде.

Дилемма. С одной стороны, негоже взрослому мужику бить шестилетнего ребенка. С другой — моему телу тоже шесть, а передо мною здоровенный амбал. Кто меня осудит?

— Дэн, — проигнорировал я угрозу Фазана — дать по морде тому, кто к тебе пристаёт, не тяжело. Смотри сюда. Для этого сжимаешь пальцы в кулак, — Дэн смотрел, как я сжимаю кулак — большой палец вот так загибаешь. Размахиваешься и бьешь.

Со всего размаху я дал Фазану в нос. Сначала думал, что лучше будет вмазать в живот, но решил, что от этого только жирок волной пойдет. Дэну нужно было наглядно продемонстрировать, как мгновенно решаются подобные проблемы.

Фазан упал на землю, схватился за нос и зарыдал.

— Мама! — он быстро поднялся и начал убегать.

Я дернул руку в сторону остальных двоих, но они благоразумно решили со мной не связываться, и тоже удрали.

— Смотри, он уже мамочку зовет, — позлорадствовал я — а таким грозным только что был.

Гордился ли я своим поступком? Мне нравилось думать, что я поступил правильно. Дэн заулыбался, глядя вслед убегающим.

— Драться нехорошо, — заумничал я — но теперь он дважды подумает прежде, чем к кому-то приставать. Понимаешь? Нужно уметь давать отпор обидчикам. Хочешь, научу, как правильно бить?

Дэн уверенно закивал головой.

Тем же днем, после детсада, мы встретились во дворе и приступили к тренировке. Родители спокойно отпускали меня одного на улицу, взяв слово, что со двора не выйду. Сами же регулярно поглядывали из окна.

Я показал Дэну, как правильно держать кулак и каким образом наносить удар. В первую очередь отрабатывали точность и силу. Он воодушевленно лупил по моей ладошке: хиленько, и часто косо, но старался. Воспринимал это, как нечто серьезное, а не просто игру. Впрочем, хватило его всего на полчаса. Я решил не давить, для первой тренировки хватит и этого. Тем более, он предложил попинать мяч, что было полезно для моего футбольного будущего.

Когда-то я жалел, что мать с детства не отдала меня на футбол. В ближайшее время я планировал это исправить. Что может быть круче профессии футболиста? Ты постоянно занимаешься спортом, поддерживаешь хорошую форму, ты знаменит, обожаем и богат. Последние три пункта я обязательно добьюсь, ведь мой уровень был уже на три головы выше, чем у любого малолетки. А с дополнительной тренировкой для меня открывалась перспектива стать лучшим.

Пиная мяч с Дэном, я отметил за собой точный пас. Я даже попробовал понабивать мяч, и у меня это отлично получилось. С ходу — десять раз. Не зря качал ноги с пеленок. У Дэна же пас сильно хромал. Приняв от меня очередную точную подачу, он ударил по мячу со всего размаха носком.

Мяч на этот раз улетел дальше прежнего, и выкатился на дорогу. Делать нечего, пришлось снова за ним идти. Шел я медленно, так как бегать уже было лень. Как оказалось десятью секундами позже — зря.

Очень зря. Лучше бы я пробежался.

До мяча оставалось совсем ничего, как вдруг к нему подбежал ребенок, лет восьми, схватил в руки и дал деру.

— Эй! — крикнул я, но подлец только прибавил скорости.

Такой наглой кражи среди белого дня я никак не ожидал. Будь это какой-то мелочью, я бы плюнул и пошел домой. Но это был футбольный мяч, подаренный отцом. Довольно дорогой. И если вор надеялся, что я его не догоню, то он был совсем тупой. Поэтому, что есть духу, я бросился вдогонку.

Да, мне пришлось нарушить данное родителям слово не покидать двор. Но ситуация обещала решиться довольно быстро. И, похоже, мне предстояло побить свой рекорд — набить две морды за один день.

Я мчался ветром и стремительно сокращал расстояние между нами. Мне казалось, вор от страха выбросит мяч, чтобы я от него отстал. Но тот крепко зажал его рукой и продолжил удирать. Он пробежал мимо соседнего двора, после чего завернул за дом. Новостройки там заканчивались, и начинался пустырь.

Мне оставалось всего несколько метров, чтобы вцепиться в паршивца. Но, завернув, я

увидел, как он запрыгивает в фургон и захлопывает за собой заднюю дверцу. Стоило уже тогда догадаться, что происходит какая-то нездоровая фигня. Одиноким фургон припаркован на границе с пустырем. И в нем пытается укрыться маленький уголовник. Но я не остановился, подбежал к машине, ухватился за ручку и начал тянуть.

Внезапно, сзади, какая-то женщина обхватила меня рукой и оторвала от земли. Я успел только крикнуть «Эй!», как она открыла заднюю дверцу фургона, и вместе со мной залезла внутрь.

Машина тут же набрала ход. Женщина посадила меня на лавку у стены, сама присела на корточки и мило улыбнулась.

— Не переживай, малыш, — сказала она приятным тонким голосом — мы сейчас отвезем тебя к маме. Она сама нас попросила. А вот тебе вкусный леденец.

Женщина взяла с противоположной лавки леденец и протянула мне. Я перевел взгляд в сторону. Маленький воришка сидел в дальнем углу и весело улыбался.

Тупым оказался не он, а я.

Он сработал отлично, заманил меня прямо в капкан. Моя новая судьба принимала непредвиденный поворот. В прошлой жизни я не переезжал из дедушкиного дома аж до самого школьного выпускного. И, соответственно, никогда не гулял в моем теперешнем дворе. В тот раз женщина, наверное, похитила кого-то другого. Теперь же похищенным не повезло стать мне.

Конечно же, я знал, с какой целью похищают детей. Читал об этом множество историй. И все они, к несчастью для меня, заканчивались паршиво.

Я не нашел в себе слов что-либо ответить похитителю. Да и ничего бы это не изменило. Я лишь молча взял леденец и задумался.

Я в заднице.

Ехали мы больше часа и когда вышли на улицу, уже темнело. Всю дорогу я молчал и обдумывал варианты побега. Вел себя намеренно спокойно, чтобы женщина считала, будто я ей доверяю. Даже специально задал ей вопрос, можно ли будет поиграть с воришкой в мяч, когда приедем. Она отказала, аргументируя тем, что уже поздно для уличных игр.

Я подумывал сбежать, как только выйду из машины. Но не тут то было. По приезду заднюю дверцу открыл крепкий на вид мужик. Он взял меня на руки и понес в дом. Вырваться из его объятий не представлялось реальным. Я оглянулся и с волнением понял, что мы вдалеке от цивилизации: территория дома ограждалась высоким забором, за которым со всех сторон возвышались деревья. По-видимому, дом находился в каком-то лесу.

Мое положение — песец. Причем конкретный. Огромный и жирный.

Мужик занес меня в дом. Здание было старым, обои местами отваливались, с потолка сыпалась побелка. Пройдя темным коридором, мужик завернул в комнату. Там, на стареньком диване, сидел лысеющий худой мужичок, лет тридцати, смотрел футбол по небольшому телевизору.

Меня опустили на пол.

— Посиди пока здесь с дядей... эээ... Глебом — сказал женщина, зашедшая за нами в комнату.

— Сегодня я Глеб! — подхватил тот с дивана. Имя явно с потолка, подумал я.

— Мы пока привезем твою маму. Можешь поиграть игрушками, они все для тебя — женщина указала в сторону, где на полу лежало с десятков разных игрушек. Среди них, как

машинки, так и куклы. Видать, сами не знали, похитят мальчика или девочку, запаслись на все случаи. — Присмотри за нашим гостем — сказала она Глебу.

— Да-да, хорошо — ответил тот, не отводя взгляда от экрана телевизора.

Женщина сердито взглянула на Глеба, но, заметив, что я на нее смотрю, резко смягчила лицо и улыбнулась.

— Мама скоро будет — сказала она, вышла из комнаты и захлопнула дверь. Я услышал, как в замочной скважине поворачивается ключ. Заперла, зараза.

По всей вероятности, отправилась готовить для меня операционную комнату. Времени оставалось в обрез. Единственный способ сохранить свою почку, или еще что поважнее — исчезнуть из этой комнаты до того, как за мной придут.

Я внимательно осмотрелся. Окно могло послужить запасным выходом. Подоконник был довольно широким и не высоким, я мог на него взобраться. Оставалось обойти препятствие в виде Глеба. Он, хоть и приковал все свое внимание к футболу, точно заметил бы, как я открываю окно. Огреть его чем-нибудь тяжелым казалось мне самым правильным решением. Но чем? Из предметов в комнате имелись лишь диван, телек и несколько разбросанных игрушек. Игрушки были из легкого пластика, не достаточно тяжелыми, чтобы нанести ими серьезный урон.

Я еще раз посмотрел на Глеба. Будь я постарше, задушил бы дрыща одной рукой. Будто почувствовав мой взгляд, он вдруг повернул ко мне голову.

— Пацан, тебя как зовут? — спросил Глеб и снова уставился на экран.

— Рустам — быстро выпалил я первое имя, пришедшее в голову.

— Футбол любишь, Рустам?

Я подошел к нему ближе, и застыл вниманием на бутылке пива, которую тот держал в руке. В мыслях всплыла приятная картинка, как бутылка разбивается на осколки об его макушку. Мне оставалось лишь дожидаться, пока Глеб допьет до конца. Потом взять бутылку, якобы поиграть, и... думаю, моих сил хватит, чтобы Глеб отрубился от удара. Опять же, не зря я качал руки с пеленок. Попробовать стоило, а что мне терять?

— Люблю — ответил я, с некоторой задержкой, на вопрос Глеба. Затем залез на диван и сел рядом с ним.

— Любимая команда есть? — он отхлебнул пива. Пойла оставалось еще полбутылки. Аж полбутылки!

— Динамо — буркнул я.

— Вот это молодец! Динамо лучшие! Они должны были сейчас играть в финале лиги чемпионов! Если бы не это тупое исключение, они порвали бы всех тех неудачников, а заодно этот чертов Ювентус. Видишь счет: один-один? Аякс еще дождет.

Я смотрел на экран и вспоминал, где еще мог слышать подобные слова раньше. Ювентус, Аякс, исключение Динамо. И в какой-то момент почувствовал «мурашки», разбегающиеся по коже. Я знал, что это за матч! И знал, кто в нем выиграет!

В прошлой жизни я здорово увлекался футболом. Раз в неделю стабильно собирались и играли с коллегами по заводу. За пивом мы частенько обсуждали матчи прошлых сезонов. Я много интересовался футбольными новостями, и знал о титулах лучших мировых команд, в какие входил и Ювентус. Даже в тюрьме у меня была своя команда, с которой мы обыгрывали соседний корпус.

Каждый уважающий себя фанат Динамо знал его успехи и поражения. И один из таких фанатов играл со мной в тюрьме на позиции полузащитника. Я слышал от него множество

историй о Динамо, и самой душераздирающей он считал исключение команды из лиги чемпионов в 1995 году.

В тот год произошел скандал, когда УЕФА выгнали Динамо из турнира за попытку подкупить судью. Команду дисквалифицировали на два сезона, а фигурантов дела отстранили от футбола пожизненно. Правда, уже в следующем году их восстановили, и дисквалификацию отменили. Фанаты тогда стояли на ушах — у Динамо были все шансы стать чемпионами, ведь выгнали их несправедливо.

«Ювентус-Динамо — вот, кто должен был играть в финале!» — говорил мне не раз тюремный фанат. Кстати, в том матче выиграл Ювентус. Вернее, я мог теперь в реальном времени понаблюдать, как он снова выигрывает.

Комментатор матча вдруг ускорил свою речь — Аякс организовал опасный момент.

— Давай же! — прокричал Глеб, но Аякс не забил. — Твою мать! Забейте!

— Не забьют, — заговорил я, вспоминая исход из рассказов фаната — никто больше не забьет. Будет серия пенальти. И выиграет Ювентус. Второй раз за историю.

— Ты че несешь, пацан? — разозлился Глеб. — Не каркай тут. Я кучу бабла на Аякс поставил.

«Поделом, придурок» — так и подмывало сказать, но промолчал. Меня внезапно накрыло целым потоком новых мыслей, рядом с которыми даже похищение отошло на задний план.

Следите за мыслью. Я обожал футбол. Я знал исходы всех основных матчей в различных чемпионатах. В некоторых из них я даже помнил счет. Что мешало мне пойти в букмекерскую контору и поставить любые деньги на победителя? Правильно, ничего!

Весь остаток матча я думал только об этом. Я мог начать зарабатывать огромные деньги уже будущим летом. Каждые четыре года проходил чемпионат Европы. И, как оказалось, ближайший должен был начаться уже через пару недель. Тот самый, где в чемпионы пробьется Германия. Невероятно!

Пока я грезил о будущем, напрочь забыл о настоящем. Тем временем в матче прозвучал финальный свисток, означающий переход в серию пенальти. Глеб молча обхватил руками голову и посмотрел на меня изумленными глазами.

Я, наконец, вернулся в реальность и обратил внимание на его бутылку. Пустая. Прекрасно. Пора было подумать о своем спасении, а то ставить на победителя будет некому.

«Аякс не забивает!» — прокричал комментатор в телеке.

Глеб оставил бутылку на диване рядом, и закрыл руками рот, уставившись в экран. Я аккуратно протянул руку, ухватился пальцами за горлышко, и потащил бутылку к себе. Спрятав её за спиной, я встал на ноги и уперся о спинку дивана. Когда Глеб посмотрел на меня, я сделал вид, что поднялся от переживаний, с интересом следя за матчем.

Для максимально сильного удара мне нужно было, как минимум, стоять на уровне с его головой. Я сжал крепче бутылку, сглотнул слюну и...

Ювентус забил решающий гол. Глеб вдруг вскочил с дивана и схватился за голову.

— Твою мать!!! Дерьмо! Что б вас всех!

Я резко спрятал бутылку обратно за спину и присел. Глеб посмотрел на меня глазами, полными гнева. Наверняка считал, что это я виноват — накаркал. Он отошел к окну и уперся руками в подоконник.

Из коридора донесся голос женщины.

— Глеб, у тебя все хорошо?

— Все просто отлично! — со злостью крикнул Глеб.

— Мы начинаем через две минуты!

— Супер! — с той же интонацией произнес Глеб.

Через две минуты меня собирались, в лучшем случае, лишить какого-то органа. Я подумал о родителях, которые сейчас находились в ужасе, и не знали, как меня найти. Вспомнил лицо матери Латифы в тот день, когда она навсегда потеряла своего ребенка. Нет, я не мог допустить, чтоб и моя мать также страдала.

Запустить бутылкой Глебу в голову у меня бы вряд ли хорошо получилось. Я только еще больше его разозлю. У меня появилась идея получше. Я спрыгнул с дивана, как следует, замахнулся, и разбил бутылку об пол.

Звон разбитого стекла эхом разнесся по всей комнате и, наверное, всему дому. Глеб резко развернулся и уставился на меня испуганными глазами.

— Ты че творишь, пацан!?

Я остался стоять на месте, держа в руке «розочку» от бутылки.

— Я случайно — постарался сказать я самым невинным тоном, затем посмотрел на «розочку» и протянул её Глебу. На, мол, забери стекло из рук ребенка.

Он двинулся ко мне с сердитым выражением лица. Протянул руку, и... я резко махнул «розочкой» и перерезал вены на его запястье. Кровь хлынула фонтаном, Глеб заорал во все горло и согнулся пополам.

В следующую секунду я услышал, как к комнате кто-то бежит. За дверью послышался голос женщины.

— Если ты снова бьешь бутылки об стену...

Она быстро открыла дверь и увидела окровавленного Глеба, трясущегося над своей рукой.

— Убей пацана! — крикнул он, указав на меня обеими руками. Я спрятался сбоку от двери, и женщина едва ли успела что-то понять, когда я выпрыгнул.

Резким движением я всадил «розочку» ей глубоко во внутреннюю часть бедра и хорошенько дернул в сторону. Стекло порвало бедренную вену, женщина завопила и попятилась назад. Кровь ударила во все стороны. Я выбежал из комнаты и бросился к выходу. Услышал за спиной, как из операционной с криком выбегает мужик. Оборачиваться, и проверять его реакцию, не было времени. Я быстро повернул ключ, открыл дверь и побежал.

— Не стой, как баран, лови его! — донесся до меня крик женщины.

Я пулей долетел до калитки, снял маленький засов и вырвался с проклятой территории.

«Свобода!» — пронеслась у меня мысль, как вдруг по всей округе эхом разошлись звуки выстрелов. Мужик палил по мне из пистолета!

Не останавливаясь, я перебежал дорогу и сразу оказался в густом лесу. Я принялся маневрировать в темноте между деревьями, двигаясь змейкой, чтобы избежать попадания. Мужик гнался за мной по пятам и периодически стрелял. Пули застревали в деревьях, мимо которых я пробегал секунду назад. Ветки били меня по лицу, я практически ничего не видел, но продолжал бежать. Адреналин и ночная тьма помогали мне выжить.

Что, интересно, произойдет, если он меня застрелит? Я снова перерожусь? Придется по новой терпеть все кошмары младенческой жизни? Или в этот раз все будет печальней, и я отправлюсь прямиком в адский котел? Меня не устраивал ни один из этих вариантов.

Я обязан был выжить!

Пробежав добрых пару километров, я, наконец, остановился. Выстрелов давненько не было слышно, как и шагов преследователя. Стараясь дышать, как можно тише, я всматривался в лес. Выискивал малейшие движения, походившие на человеческие. Но, похоже, мне удалось оторваться.

Я присел у дерева, давая отдохнуть ногам. «Гудели» они страшно, и я мысленно поблагодарил их, что не подвели меня в нужный момент. Их все-таки никто не готовил к такому марш-броску.

Отдохнув пару минут, нужно было вставать и идти дальше. Небольшая вероятность появления стрелка оставалась. Но и без него ночка обещала быть опасной. Темный лес — непредсказуемое место, никогда не знаешь, кто там может обитать. Повезло еще, что майские ночи были довольно теплыми. Одной проблемой меньше — я не умру от холода. Оставалось только надеяться, что лес не особо большой, и мне повезет выбраться из него и найти дорогу. А там уже можно поймать машину и добраться до дому. Какой водитель откажет потерявшемуся ребенку?

Через пару метров я нашел неплохую палку под ногами. Пригодится, чтоб отбиваться от незваных лесных обитателей. Вооружившись ею, я смело зашагал вглубь леса.

Ночка выдалась длинной. Из опасностей на моем пути встретилась лишь одинокая змея. Когда я услышал шелест в листве и заметил её приближение, начал бешено лупить по ней палкой. Змея все сразу поняла и быстренько изменила свой маршрут. Этим событием и ограничились мои ночные приключения.

Ближе к утру глаза сильно слипались. Шестилетний организм требовал срочного отдыха. Но, уверен, бессонная ночь выдалась не только у меня. Родители, наверняка, тоже глаз не сомкнули, а, может, и вовсе искали меня всю ночь по городу. Шагая по лесу, я постоянно себя обнадеживал, что скоро этот кошмар закончится, как для них, так и для меня. И закончится, заметьте, куда лучше, чем могло бы.

Мне невероятно повезло. Когда взошло солнце, я смог рассмотреть, вдалеке за деревьями, проезжающий автомобиль. Мне посчастливилось выйти прямо к дороге!

Моей радости не было предела, но я все же решил подстраховаться. В памяти всплыли банальные сцены из старых фильмов. Ну, как старых — их еще, наверное, пока не сняли. Те сцены, где пленник сбегает от убийц, а потом идет по дороге и видит подъезжающую машину. Он хочет её остановить, но вдруг понимает, что за рулем сидят те же убийцы.

Маловероятно, что стрелок будет рассекать на фургоне в надежде меня найти. Наверняка, у него хватало и без того проблем, например, помогать зализывать своим раны. Но я все же решил соблюсти осторожность — спрятался за деревом у обочины и наблюдал.

Минут через десять, вдалеке, показалась машина. Убедившись, что едет не фургон, я приступил к действиям: упал на четвереньки и медленно выполз на дорогу. В нескольких метрах от меня затормозила легковушка, и из нее выбежал обеспокоенный водитель — пожилой мужичок, лет 60-и.

— Ты откуда взялся, парень? — спросил он и осмотрелся.

— Меня украли и бросили в лесу, — пролепетал я — отвезите меня к моей маме.

Жалобный детский голос, и заляпанная чужой кровью одежда, сделали свое дело. Старикан посадил меня в машину, узнал точный адрес проживания, и пообещал доставить домой в течение часа.

Я ехал на переднем сиденье и смотрел на дорогу. На вопросы старика никак не

реагировал, поэтому он очень скоро перестал их задавать. Всю поездку я размышлял о прошедшей ночи. Несмотря на то, что она могла вполне оказаться для меня последней, я все же нашел в ней серьезный плюс.

Благодаря похищению и встрече с Глебом, мне пришло озарение. Я нашел способ быстрого, легкого и отличного заработка на футбольных ставках. Да, со временем я бы все равно к этому пришел. Но лучше ведь раньше, чем позже, правда?

Меня ожидало прекрасное прибыльное лето, счастливые родители и лучшее детство, какое только можно себе представить.

Новая жизнь. Никакой уголовщины.

Никакой тюрьмы.

8 глава

16 лет

Я загремел в тюрьму.

Казалось бы — что-то нереальное для человека, который живет по второму кругу. В прошлый раз меня повязали на двадцать пятом году жизни, теперь же хватило и вовсе шестнадцати.

Ладно, с тюрьмой преувеличил. Меня заперли в комнате детского отделения милиции. И нет, я не пустился снова во все тяжкие, и ничего не крал. Мое миллионное состояние, которое росло изо дня в день, позволяло вести честную, законопослушную и счастливую жизнь. Как же тогда так получилось, что я, подросток-миллионер, находился за решеткой? Если коротко — спасал друга от тюрьмы. Если чуть поподробнее, то придется вернуться к событиям прошлого столетия. Ко времени, где начался мой финансовый старт, и пошел отсчет новой жизни Дэна.

Снова к **6 годам** отроду.

Когда, после похищения, я приехал утром домой, рыдающие родители не выпускали меня из рук минут двадцать. Как я и догадывался, на уши поставили полгорода. Отец даже вызвал со службы целую роту. Меня искало больше ста человек — всю ночь и по всей округе.

По окончании сентиментальной части с родными, я подвергся длительному допросу. Сначала со стороны родителей, потом — правоохранительных органов. Я рассказал все, как есть. Ну, почти все. Упустил лишь ту часть, где резал людям вены. В моей версии, мне удалось сбежать сразу при выходе из фургона. По просьбе дядек в форме, я подробно описал внешность женщины, ребенка и Глеба. А что — пусть ищут, вдруг повезет? В конце рассказа все восхищались моей смелостью и выдержкой пережить ночь в лесу.

Всю следующую неделю меня боялись выпускать по вечерам на улицу. Но я не унывал и не спорил, мне хватало улицы и во время детсада. Я быстро выбросил из головы похищение, и занялся обдумыванием более важных дел. В первую очередь, продолжил тренировать силу и характер Дэна. Обучение проводил в игровой форме, чтобы тот не скучал. Парень медленно, но уверенно вылупливался из своей скорлупы замкнутости, крепчал и раскрывался прямо на глазах. Преобразование Дэна со временем заметила и воспитательница. Она с гордостью рассказала моим родителям, как позитивно я влияю на друга.

Кроме Дэна, я обдумывал заработок на футбольных ставках. Тут все оказалось куда

сложнее, я столкнулся с серьезной непредвиденной проблемой.

Мне было всего шесть лет!

Если вы думаете, что, вернувшись в прошлое, сможете в легкую наделать ставок и сорвать куш, то хрен там! Ни один букмекер не примет ставку от шестилетнего ребенка. Даже, если у того в руках будет пачка настоящих денег. До начала чемпионата оставалось всего ничего, и нужно было срочно найти совершеннолетнего. Да такого, кому можно доверить немалую сумму. Кто не обманет.

Определенно, доверенной особой мог стать только родственник. Нужно было только выбрать правильного из тех, что имелись. Родителей я твердо решил не вмешивать. Они были из числа людей, которые не верят в сверхъестественные вещи. Я боялся, что если примусь доказывать им конкретными примерами, что знаю будущее, они, того и гляди, наймут для меня мозгоправа. А заставить кого-то внести крупную ставку на футбольный матч, когда тебе всего шесть лет, можно только таким образом. Нужно раскрыться человеку, который способен поверить; кто способен оценить предоставленные доказательства и принять слова ребенка за истину. Родители таковыми не являлись.

В идеале, нужного человека можно было бы встретить на какой-то большой сходке родственников, например, свадьбе. Но ничего подобного не предвиделось. Я уже разуверился найти кого-то к началу турнира, но за неделю до первого матча произошло чудо. Дед праздновал юбилей — 50 лет, и пригласил по этому случаю всех родных и близких. Их было не особо много, но человек двадцать все же приехало.

Столы накрыли на улице — как, в основном, делают все, кто живет в частном доме. Когда произнесли первые тосты, голодные гости набросились на еду. В этот самый период все поделились на небольшие группы, и принялись общаться между собой.

У меня был прекрасный обзор, я много наблюдал за общением толпы, прислушивался к разговорам. И постепенно расстраивался. При поиске претендента первым критерием было проживание в нашем городе. И только потом — личные качества. Человек вне города ни чем мне помочь не смог бы.

Из разговоров я понял, что подавляющая часть гостей — иногородние. Но, даже, если бы и нет, то они все равно не подходили. Остальные являлись соседями, не имеющие к родству никакого отношения. Рядом со мной сидела старшая сестра матери, со своим сыном-подростком. Она проживала в нашем городе, и могла бы подойти для вербовки. Но, понаблюдав за манерой её общения, я сделал вывод — дело гиблое. Она выглядела до такой степени серьезной и непробиваемой, что шансы в чем-то убедить такого человека, были еще меньше, чем с родителями. Тяжело вздохнув, с паршивым настроением, я принялся за салат в своей тарелке. И вдруг...

Дежавю!

Вот только не обычное, когда чувствуешь, будто уже проживал нечто подобное. Я действительно проживал! Я уже был на этом юбилее в первой жизни. Знаете, я мало, что помню с былого детства, но этот день запомнился мне навсегда. На голову моей тёти упал навесной кухонный шкаф. Я впервые увидел столько крови, и это происшествие врезалось мне в память на всю жизнь. Тёте наложили тогда швы, но, в остальном, она не сильно пострадала.

Воспоминания прервал разговор матери с сыном этой самой тёти — с моим двоюродным братом. Они сидели по обе стороны от меня и разговаривали через мою голову.

— Как у тебя дела, Макс? — спросила мать. — Паспорт уже получил?

— Да, уже месяц, как — ответил Макс и добродушно улыбнулся. — Все хорошо. Готовлюсь сейчас к сессии. Надеюсь сохранить стипендию.

— О, ты уже в институте? — присоединилась к разговору женщина, лет пятидесяти, за столом напротив. — Я думала, ты только школу заканчиваешь. Такой взрослый уже. На кого учишься?

— На экономиста. Хочу работать в финансовой сфере.

В будущем он станет банкиром, и будет зашибать немалые деньги. Жаль, что мы с ним почти не общались.

— Финансы — это хорошо — сказала женщина напротив. — Как сейчас поживает наша экономика, улучшений скоро ждать?

— Трудно сказать, тётя Ида, — ответил Макс — нужны реформы. А без конституции её не могут провести. Но как только, так сразу ждите позитивных изменений.

Я уставился на Макса и задумался. Вежливый, не глупый, умеет расположить к себе людей, с харизмой. И что очень важно — юный, еще не окончательно взрослый. Было в нем что-то особенное, что вместе с совершеннолетием и проживанием в моем городе, превратило его в кандидата номер один. Чтобы проверить свою теорию, я решил поумничать.

— А ты знаешь, когда будет принята конституция? — спросил я, повернувшись к Максиму.

— Не в этом году, точно — улыбнулся мне Макс.

— Уже в этом месяце, — сказал я — двадцать восьмого числа.

Моя мать и Макс рассмеялись, последний потрепал меня по голове.

— Было бы не плохо, Леонас. Ты у нас тоже экономикой увлекаешься?

— Можно и так сказать. Скоро все перестанут быть миллионерами. У нас будут новые деньги.

— Когда-нибудь так и будет, — закивал Макс — а ты умный парень. Сколько тебе лет? Семь?

— Шесть — поправил я.

— Уже читает умные книжки? — спросил Макс у моей матери.

— Да у нас и нет ничего про экономику — ответила с удивлением мать.

— Я читал в саду — сказал я.

Читать, я кстати, «научился» в пять лет. В свое время начал намекать матери, что не помешало бы разобраться в буквах и словах. Оценив мое стремление, она принялась мне помогать. Буквально через пару месяцев родители удивлялись, как быстро мне дается учеба, и считали меня самым быстроразвивающимся ребенком в мире.

Конечно, никаких книжек про экономику в детсаду я не читал. Там, кроме раскрасок и сказок, других и не было. Но мать не станет проверять эту информацию, детсад остался в прошлом, с осени я собирался в школу. Идеальная ложь.

Разговор временно прервался, когда кто-то из гостей начал говорить очередной длинный тост. Спустя несколько минут, люди вернулись к еде и выпивке. Макс снова со мной заговорил.

— Чем ты еще увлекаешься? Ну, кроме экономики? — спросил он, явно отнесшись к моим пророчествам не особо серьезно.

— Музыку люблю — ответил я.

— Какую?

Я заметил, что мама отвлеклась на разговор с кем-то, кто сидел сбоку от нее. Мне это

было на руку, не хотел тревожить её своими познаниями.

— Рэп — ответил я, и Макс снова засмеялся. Я представил себя на его месте — о чем бы я думал, если б общался с шестилеткой и слышал от него подобные ответы? Наверное, тоже бы принимал все в шутку.

— Каких рэперов слушаешь?

— Тупака. Знаешь такого?

— Конечно, знаю — хмыкнул Макс.

— В него давно стреляли? — поинтересовался я.

— Года два назад, а что? — слегка удивился Макс.

— Скоро еще раз будут, — сказал я — на этот раз не выживет.

Макс сощурил глаза, глядя на меня. Он слегка нагнулся и, с иронией в голосе, прошептал:

— Ты у нас еще и в будущее заглядываешь?

— Только никому не говори, — так же прошептал я, но постарался сделать максимально серьезное лицо — это секрет.

Макс уставился на меня с удивлением, затем снова заулыбался и выпрямился. Мне показалось, что в нем зашевелились какие-то сомнения, но он резво их прогнал — здравый смысл взял верх. А, может, и просто принял меня за фантазера, живущего в своем безумном детском мире. Однако начало было заложено, я твердо решил идти до конца. Мне требовался наглядный пример для продолжения.

Я не помнил, в какое время случилась трагедия с моей тётей. Поэтому, чтобы её не пропустить, подошел к летней кухне, и начал ждать. Наверное, со стороны я выглядел весьма странно, стоя посреди двора, и рассматривая кухню целых полчаса. Но я добился нужного мне эффекта — меня заметил Макс. Понаблюдав за мной какое-то время, ему стало любопытно, и он подошел.

— Чего стоишь тут один? — спросил он, традиционно, улыбнувшись.

— Жду — ответил я, не отводя глаз от кухни.

— Кого ждешь?

— Не кого, а что, — поправил я — кое-что должно случиться, а я хочу это предотвратить.

Макс явно уже принимал меня за ненормального. Это читалось в его взгляде.

Он, якобы с пониманием, покивал головой.

— Ладно, не буду тебя отвлекать — Макс развернулся уходить.

Я планировал позвать его, когда понадобится, чтоб он увидел падающий кухонный шкаф своими глазами. Но я не ожидал, что нужное время настанет так быстро. Макс уже сделал несколько шагов, когда я увидел, как сосед за столом проливает бокал с вином на рукав его матери. Подвыпивший сосед принялся извиняться, а мать лишь струхнула рукой и поднялась с места.

— Макс, а хочешь мне помочь? — окликнул я.

Видимо, он не очень хотел, но еще меньше хотел отказывать ребенку. Все-таки, хорошее воспитание. Он вернулся ко мне, встал рядом и наиграно проявил интерес.

— Что я должен делать?

Я скорчил самое серьезное выражение лица и выпалил на одном дыхании:

— Если не хочешь, чтобы твоя мама попала в больницу, не дай ей дойти до той раковины.

Я кивнул в сторону летней кухни. Внутри, через открытую дверь, виднелась раковина, и навесной шкаф прямо над ней. Макс посмотрел на меня с, уже раздражающей, улыбкой.

— Мама пострадает от воды из крана?

— Мама пострадает, когда ей на голову упадет вон тот шкаф. И случится это во время мытья рук.

Его мать прошла мимо нас и направилась к кухне. Я не был уверен на все сто, что трагедия случится именно в тот миг, но решил рискнуть. Не реши я раскрыться Макс, смог бы и сам задержать тётю. Но её сын идеально подходил на роль моего финансового посредника. И, чтобы верить моим словам, он должен был наглядно убедиться в их правдивости.

Макс бездействовал долгие секунды.

— Снова в будущее смотришь? — скептически спросил он.

— Это могло быть несчастным случаем, в котором виноватым посчитали бы дряхлые крепления на шкафу. Теперь же виноватым будешь ты, если ничего не сделаешь. Ты готов рискнуть здоровьем матери, лишь бы не считать себя идиотом, который доверился ребенку?

Мать зашла на кухню, подошла к раковине и открыла воду. Макс мялся на месте, не зная, как поступить.

— В любую секунду юбилей будет испорчен. Делай что-то. Быстро.

Макс быстро переводил взгляд с меня на свою мать, и обратно. Видно, боролся с желанием, как поступить правильней: прислушаться к совету или ничего не предпринимать, чтобы не чувствовать себя глупо.

— Давай же, Макс, не стой на месте — торопил его я.

Макс внимательно смотрел на мать и не решался пошевелиться. Она домыла руки, вытерлась полотенцем и вдруг...

Ничего не произошло.

Тётя спокойно вышла из кухни и направилась обратно к столу. Макс посмотрел на меня с довольной ухмылкой, и потрепал по голове рукой.

— Ну, ты даешь, Леонас — сказал Макс. — Кто тебя научил так разыгрывать людей? Тебе в актеры надо, так правдоподобно серьезничаешь.

Тётя возвращалась к столу, когда её позвал дедушка.

— Доча, принеси, пожалуйста, две тарелочки из кухни. В шкафчике, над раковиной.

Вот оно! Она откроет шкаф и все произойдет! Я не собирался опять уговаривать Макса препятствовать матери. Да и он бы снова меня не послушал. Но подвергнуть тётушку в очередной раз опасности мне не хотелось. Тем более, я не сомневался, что шкаф, на этот раз, точно упадет.

— Тётя Мария! — крикнул я и сделал испуганное лицо.

Тётушка остановилась на полпути к кухне и обернулась.

— Мне срочно нужна ваша помощь, — я подбежал к ней, протянул палец, и скорчил щенячью морду — у меня заноза, сильно болит. Можете вытащить?

Тётушка нагнулась и начала рассматривать мой палец.

— Макс пока может принести тарелки — сказал я ей.

— Может, — согласилась тётушка и посмотрела на сына — сынок, принеси тарелки дедушке.

Макс кивнул и направился к кухне. Когда он проходил мимо меня, наши взгляды встретились. Я указал ему глазами на кухню и помотал головой в стороны. Он в ответ

скептически улыбнулся.

Макс подошел к шкафчику, протянул руку и замер. Он несколько секунд на него смотрел, после чего бросил взгляд на меня.

— Что-то я не нахожу никаких заноз. Где ты её увидел? — говорила тётушка, рассматривая мой палец.

Я снова помотал головой, глядя на Макса. Он тяжело вздохнул и, по-видимому, сделав над собой огромное усилие, отошел в сторону от шкафа. Его одолели сомнения, и это было прекрасно. Уверен, он не столько принял мои слова за истину, сколько просто решил подстраховаться. Для начала меня и это устраивало.

Макс опять протянул руку, схватился за ручку, медленно открыл дверцу и вдруг...

Снова ничего не произошло.

Дерьмо! Шкаф должен был упасть! Макс заулыбался, как улыбаются люди, чувствующие себя полными идиотами, которых только что жестоко разыграли. Он посмотрел на меня, как на глупого ребенка и поднял руку за тарелкой.

Внезапно шкаф сорвался со стены!

Он зацепился нижней частью за плитку, выложенную под ним, накренился, и рухнул, с оглушающим грохотом, на пол. Десятки тарелок разбились вдребезги. Макс вовремя успел отдернуть руку и отступить назад. К нему в ужасе бросилась мать, позабыв о моей занозе, которой не существовало. За ней прибежали мои дед с бабушкой, и еще несколько гостей.

Пока вокруг метались взрослые, Макс смотрел на меня огромными от удивления глазами. Он поверил! И он сам не мог поверить, что поверил. Я посмотрел на него в ответ, слегка улыбнулся и поднес палец к своим губам. Мол, молчи и никому не рассказывай. Выглядело, наверное, до ужаса зловеще. И что-то мне подсказывало, что он будет держать рот на замке.

Я успешно выполнил свою задачу. Сумел убедить брата в истинности своих слов. Следующий ход был за ним.

Братец не заставил меня долго ждать, и тем же вечером пришел на беседу. К счастью, он счел благоразумным не болтать никому о моих словах. Да и кто бы ему поверил, я-то уж точно все отрицал бы, прикидываясь ребенком.

Он задавал слишком много вопросов, но отвечал я не на все. Момент с перерождением я и вовсе опустил, объяснив, что всю информацию черпаю из сновидений. Посчитал, что всей правды ему знать ни к чему. Несмотря на бесспорное доказательство моего дара, сомнений у него оставалось предостаточно. И чтобы их окончательно развеять, пришлось постараться уговорить его стать моим финансовым посредником.

Идея про футбольные ставки понравилась Максиму не сразу, но разок попробовать он согласился. Просто, чтобы убедиться, что со шкафом мне просто повезло, и никакого дара нет. Обсудив все подробности, мы договорились встретиться сразу после первого матча турнира. Почему после, а не до? Тут была небольшая загвоздка.

В финал чемпионата Европы должны были выйти Германия и Чехия. Но прежде, им предстояло отыграть по три матча в групповом этапе. Результатов тех игр я не знал, но оказалось, обе команды играют в одной группе. И что более интересно, самый первый матч они играли друг против друга. Понимаете, даже будущие финалисты на начальных этапах могли проигрывать. Я не собирался ставить на команду, будучи неуверенным в её

стопроцентной победе, или, хотя бы, ничье. Пришлось ждать.

Первый же матч сразу все расставил на свои места. Германия одержала победу. Что это означало? Дальнейшие проигрыши этих двух команд стали невозможными, иначе бы они вылетали из чемпионата. А как бы они вылетели, если им играть в финале? Никак. Значит, я мог смело ставить на победу-ничью обеих команд во всех следующих матчах. А всего этих матчей на двоих оставалось целых девять!

Чтобы хорошо заработать на этом деле, понадобилась существенная сумма. Тут пришлось обратиться к своей былой привычке — своровать. Хотя мне нравилось называть это другим словом — одолжить. И одолжить я собирался у родителей из их тайника. А сразу по окончании турнира — вернуть все обратно.

Однажды, пока они ужинали, я вытащил у них десять купюр номиналом по миллиону каждая. Не пугайтесь, на то время все жители страны являлись миллионерами, помните? Забирая деньги, я надеялся, что родители, как минимум, две недели не станут заглядывать в тайник и пересчитывать сумму.

Дальше со ставками дела обстояли так. Средний коэффициент на победу-ничью (опять-таки, я не знал, будет чистая победа или ничья) будущих финалистов составлял — 1,5. (На каких-то матчах — 1,3; на каких-то — 1,7). Я планировал ставить на каждый следующий матч всю сумму, выигранную в предыдущем. То есть, десять миллионов после первого матча превращались в пятнадцать. После второго матча пятнадцать миллионов превращались в двадцать два с половиной, и так дальше. В итоге, после девяти матчей сумма должна была возрасти до трехсот восьмидесяти четырех миллионов! А это уже средняя трехгодовая зарплата рядового работника. Очень прилично, особенно для паренька шести лет. Конечно, минусуем десять миллионов, которые необходимо вернуть в родительский тайник. Чистую прибыль считайте сами.

Максу я обещал двадцать процентов от пирога, на что он не сильно надеялся, но и не отказался. После первого успешного исхода матча, он по-прежнему относился ко мне с хорошей долей скептицизма, однако захотел повторить. И уже не смог остановиться.

С каждой следующей победой его вера в меня крепла, а на последние матчи он и сам начал вкладывать свои деньги. Две недели Макс посещал букмекерскую контору, и делал ставки, согласно нашему плану. Случалось и так, что обе команды играли друг за дружкой в один день. Тогда Максу приходилось подолгу торчать в конторе, чтобы вовремя делать ставки. Позже я выслушивал от него, как каждый раз его одолевали сомнения, которые по окончании матча сразу развеивались. Полностью он от них избавился только, когда сбылось мое очередное пророчество, и двадцать восьмого числа в стране приняли конституцию.

Через два дня после этого чемпионат закончился ожидаемой победой Германии. Я незаметно вернул родителям долг, а мы с братом превратились в весьма обеспеченных граждан. Но это было только началом.

Осенью я пошел в первый класс. Заново познакомился со своими одноклассниками и будущими друзьями — они пока были полными тупицами. А также с будущей первой любовью — Алисой.

Кроме школы, в сентябре произошло еще одно событие — реформа. Страна обменивала свои миллионы на новую валюту в соотношении 100000:1. Весь мой выигрыш хранился у Макса и, когда он его обменял, получилось, в общем, около трех тысяч. Я тут же распорядился перевести все деньги в американскую валюту. Курс составлял 2:1, итого у меня

имелось полторы тысячи долларов — весьма немалая сумма по тем временам.

Ближайшим турниром, результаты которого я помнил, являлся чемпионат мира. И ждать до него оставалось целых два года. Я не мог позволить просто так пролеживать деньгам, и отчаянно искал, куда бы их вложить, чтобы приносили доход. Цепочка моих мыслей по этому поводу выглядела примерно следующим образом:

— Депозиты. Не. Банки зло, им нельзя доверять.

— Недвижимость. Неплохо бы, но не хватает денег.

— Бизнес. Не. Долго, тяжело и мучительно. Хочу что-то проще.

— Интернет. А что Интернет?

— Гугл, Микрософт, Фейсбук! АКЦИИ! То, что надо!!!

Я поставил перед Максом новую задачу — открыть счет в брокерской конторе и купить те акции, которые я скажу.

Сказано-сделано.

Когда настало время покупок, к брокеру Макс пошел со мной. Из всего разнообразия компаний, была лишь пара узнаваемых, заслуживающих доверия — Микрософт и Эппл. Акции первой стоили по семь долларов за штуку, второй — восемьдесят центов. Зная, что Эппл в итоге станет успешней, я закупил её акций на все деньги, и получил 1875 ценных бумаг. Макс на свою долю купил еще 300. Такими вот достижениями я мог похвастаться уже в шесть лет.

В мои **восемь** лет произошло сразу два громких события: кризис, когда доллар рухнул вдвое, и чемпионат мира по футболу.

В случае кризиса я ничего не потерял, так как все мои сбережения были вложены в акции, которые постепенно дорожали. Ощутимый скачок в цене они начали делать, когда в Эппл вернулся её основатель — Джобс.

Для ставок по футболу мы с Максом провернули ту же схему, что и в первый раз. Только теперь я не воровал деньги у родителей. Макс продал часть акций по цене девяносто пять центов за штуку. У нас на руках появилось по двести долларов, на них мы и сделали ставки. Правда, на этот раз начали ставить непосредственно с 1/8 финала. В общей сложности, будущие финалисты сыграли семь матчей, и каждый из нас заработал около трех тысяч долларов.

С деньгами, мы снова поехали к брокеру скупать акции. Теперь в моем активе значилось больше четырех с половиной тысяч ценных бумаг компании Эппл. Часть денег я придержал и подбросил родителям в тайник — пусть думают, что где-то просчитались в свою пользу. К их чести, все сбережения они держали в иностранной валюте. Даже говорить им об этом не пришлось, сами все понимали. Молодцы.

В **четырнадцать** лет я внес очередные серьезные изменения в свою судьбу. И речь тут не о дополнительных двадцати тысячах акций, которые я прикупил за счет последних трех футбольных турниров. Хотя это тоже меняло мое будущее к лучшему. Но нет. В прошлой жизни в этом возрасте я потерял мать. Она умерла от рака легких, который диагностировали слишком поздно. Чтобы этого не допустить, я уговорил её за год до трагедии пойти в больницу и провериться.

Врачи обнаружили у нее рак первой степени. В срочном порядке его успешно удалили хирургическим путем. Таким образом, я спас второго родителя от глупой смерти, и сохранил

семью в целости.

Я отлично помнил суд и судью, перечисляющего мои грехи, будто это было вчера. Если кто не помнит, первым среди них значился случай, когда в четырнадцать лет я избил парня за приставание к Алисе. На этот раз, я не собирался делать ничего подобного. В отличие от прошлого «я», теперешний стал миролюбивым, сдержанным, спокойным... счастливым, что ли. У меня все получалось, я был на пути к богатству, мои родители не умерли, чего еще можно желать?

Впрочем, я все же не стал проходить мимо, когда вновь увидел того парня, пристающего к Алисе. Случилось это после уроков около школы. Девочка руками отмахивалась от одноклассника, который всячески пытался поцеловать её в щеку.

— Отвали от меня! — кричала Алиса зародышу будущего насильника. На самом деле не знаю, как сложилось его будущее, может, и правда стал насильником.

— Поцелуй меня, тогда отстану — сказал тот.

Помню, как я налетел на него с кулаками, и даже сломал ему руку. Он занимался боксом, хоть и не так давно, поэтому я применил эффект неожиданности. Не хотел проверять, на что он способен. Судья вроде говорил, что с этим переломом накрылась его карьера всемирно известного боксера. Что ж, пришла пора это исправить.

Я подбежал к обидчику Алисы и (всего лишь!) оттолкнул его в сторону:

— Поцелуешь, когда получишь согласие. А до этого не лезь.

Моего грозного вида не хватило, чтобы осадить его. Почти не размышляя, он сделал выброс правым хуком. Я едва успел нырнуть под его удар. Он тут же принял боевую стойку, намеренный продолжать. Дети вокруг сбежались поглазеть на драку.

— Тебя забыл спросить — огрызнулся боксер и пошел в нападение.

Зря я сразу не надавал ему по голове. Вот, что бывает, когда проявляешь рассудительность. Я сбросил рюкзак и увернулся от еще одного удара. Я ведь тоже был не пальцем сделанный, да и пять лет тюрьмы прошли не зря. Добавьте к этому качание мышц с самих пеленок.

Парень сам напросился. Нет, я не собирался ломать ему конечности и судьбу. Только нос. Для профилактики.

Боксер махнул рукой, промазал, махнул второй, я присел, сделал шаг вперед и, с размаху, вмазал ему кулаком в лицо. С характерным хрустом носовой перегородки, бедняга упал на асфальт и замычал. Не такой уж и грозный боксер оказался. На этом драка быстро закончилась. Причем успешно, как для меня, так и для него. Ведь он мог продолжать строить карьеру.

Алиса мне тогда мило улыбнулась и пошла домой. Похоже, потеря девственности с этой девушкой в будущем, осталась в силе. Это радовало. Что касалось греха, я не сильно расстроился — некоторые ситуации все же невозможно изменить.

В **пятнадцать** лет я задумался об инвестициях в будущие социальные сети. Страну охватила всемирная паутина, Интернетом уже пользовалось около десяти процентов населения. И я был в их числе.

Самые известные социальные сети появились примерно в одно время, плюс минус год. Меня в первую очередь интересовал Фейсбук — который богаче всех остальных. Я долго мониторил его появление, не в курсе точной даты запуска, пока в голову не пришла гениальная мысль. Я её тут же реализовал и...

Купил домен Фейсбука!

Мне оставалось лишь подождать, пока его не захочет перекупить компания сети. Ждать пришлось всего пару месяцев. После некоторых торгов, я умудрился впарить им их же домен за двести тысяч долларов. И почти всю вырученную сумму вложил в акции того же Фейсбука. Это был тот момент, когда смело можно откидываться на спинку кресла, класть руки за голову, и наслаждаться ожиданием мультимиллионного состояния.

Макс, тем временем, женился и даже успел завести ребенка. Однажды, со своей семьей, он пришел к нам в гости. Меня посадили присматривать за его шестимесячным отпрыском, пока взрослые удалились на кухню. Ребенок сидел на диване с игрушкой в руках, смотрел в никуда, и почти не двигался. Я наблюдал за ним несколько минут: увидел его безразличие к окружающему миру, скуку в глазах и задумался... а вдруг?

— Эй, дружок, — подсел я ближе — тебе, наверное, ужасно скучно сейчас? Не с кем поговорить, тебя никто не понимает. Заставляют сосать мамкину грудь, да?

Ребенок уставился на меня с открытым ртом и выпученными глазами. Я нагнулся к нему еще ближе и начал шептать:

— Если ты тоже перерожденный, подай мне знак. Кинь, к примеру, игрушку на пол.

Я взволнованно ждал, пока ребенок сделает хотя бы движение, но тот продолжал тупо на меня смотреть. Спустя минуту уговоров, я смирился с тем, что его поведение — не следствие перерождения. Он просто оказался тормозом.

И вот настало роковое **шестнадцатилетие**. Акции Эппл к тому моменту выросли до десяти баксов за штуку, а Фейсбук открыл свободную регистрацию для всех пользователей Интернета. Продай я ценные бумаги одного лишь «яблока», то мог бы уже позволить себе приобрести роскошное жилье в центре столицы. Но торопиться было некуда, цена акций находилась лишь в начале своего роста. Пока мне хватало родительского обеспечения.

Работа над Дэном завершилась громким успехом, о котором, впрочем, известно было лишь мне. Я научил его в первую очередь быть сильным. А, как известно, сила придает уверенности в себе. Конечно, все зависит от человека: кого-то сила портит, кого-то — делает лучше. Дэн, к счастью, оказался из числа последних. Он вырос общительным, раскрепощенным и веселым парнем. Умел постоять за себя и свое мнение. В общем, весь в меня. А в некоторых моментах даже обогнал, например — с девушками. Первый поцелуй у него случился в пятнадцать лет, тогда, как у меня его еще не было. После поцелуя он стал куда более уверенным в себе.

Я же не торопился целоваться с девушками, хоть возможностей хватало с избытком. Ну не влекло меня к несовершеннолетним одноклассникам — они же дети! А те, кто постарше, мною не интересовались. Хотя я и держал себя в отличной физической форме, внешность выдавала меня сопливым подростком. Через пару лет ситуация обещала поменяться — я резко возмужаю и стану выглядеть старше своего возраста. Подожду.

Всю школу мы с Дэном крепко дружили. Всегда находили общие темы для разговора, вместе играли в футбол и прогуливали уроки. Но с началом выпускного класса в нем резко что-то изменилось. После летних каникул исчезла его привычная беззаботность, он ходил с постоянно задумчивым видом и часто залипал. В конце учебного дня его как ветром сдувало. Он мигом собирал свои вещи и убегал домой.

Несколько раз я пытался с ним поговорить о его состоянии, но Дэн уверял, что все

отлично, а домой он спешит на частные курсы для поступления в университет. Я чувствовал, что он что-то скрывает, но старался не давить. И сдерживал себя довольно долго, пока, однажды, он не пришел в школу лишь к последнему уроку — весь взъерошенный, в испачканных штанах и куртке.

Тогда я понял, что он влип в какие-то неприятности. Надеялся только, что это не те же проблемы, из-за которых в прошлой жизни его убили. Я твердо решил разобраться в ситуации и узнать, наконец, правду.

После уроков Дэн, традиционно, резво собрался и попытался быстренько свалить. Да так шустро, что догнать его сумел лишь на выходе из школы.

— Дэн! — крикнул я. Он остановился и испуганно обернулся. Увидев меня, поспешил изобразить непринужденный вид.

— Привет — сказал Дэн.

— Ты уже не здороваешься? Сразу домой?

— Тороплюсь просто — Дэн активно изображал спокойствие.

— Снова курсы?

— Да. Они.

— А где пропадал пять уроков?

— Да я проспал. Сам в шоке. Всю ночь готовился, заснул только под утро — похоже было, что он придумывает на ходу. Но я сделал вид, что верю.

— У тебя штаны грязные. Да и куртка, смотри.

Дэн начал оттряхиваться.

— Это я так в школу бежал. Навернулся по дороге — он изобразил подобие улыбки.

— Вижу, не раз — сострил я. — Ты уже несколько месяцев не вылезает с этих курсов. Может, разок пропустишь, да пойдем по пиву?

— Договорились, Лео. Только не сегодня.

— А чем сегодня плохо? Давай, погнали сейчас, от учебы нужно отдыхать.

— В другой раз, окей? Я уже договорился с репетитором, некрасиво отменять в последний момент. Я, как выкрою выходной, сразу пойдем. И я угощаю.

Дэн попрощался со мной и ушел. Я смотрел ему вслед и уже знал, как поступлю. Слишком много времени и сил я потратил, выводя Дэна в люди, чтобы так просто оставить его в беде. Даже если он сам не требовал помощи, она у него будет.

Перед тем, как отправиться следить за другом, я обратил внимание на странного мужика в сером плаще, который сидел на скамейке. Он попадался мне на глаза уже третий день подряд. Первый раз я увидел его из окна во время урока. Мне тогда в шутку подумалось: вдруг он педофил какой-то, высматривает себе жертву — фантазия у меня работала хорошо. Но и в третий раз я не придал серьезного значения его очередному появлению в школе. Может, он просто чей-то отец.

Я дождался, пока Дэн завернет за угол, затем развернулся и пошел быстрым шагом в обход школы. Обойдя здание с другой стороны, увидел друга, переходящего дорогу. Впервые в жизни мне пришлось за кем-то следить, но я заметил, что получается у меня весьма неплохо. Дэн, то и дело, постоянно оборачивался, будто чувствовал слежку. Я же двигался не позади него, а параллельно, по другой стороне улицы. Сначала прикрывался толпой людей, снующих по своим делам, а когда их поубавилось, двигался перебежками от дерева к дереву.

Спустя минут десять, преследование резко прекратилось. К моему удивлению, Дэн действительно пришел к своему дому, и зашел в свой подъезд. Однако это не значило, что

всегда после школы он ходит домой, поэтому я принял решение проследить за ним еще пару раз. Рано или поздно, он приведет меня в другое место.

Я собирался уже уходить, как вдруг увидел того самого странного мужика в сером плаще. Он стоял неподалеку от дома Дэна, и смотрел на его подъезд. Таких совпадений не бывает, мужик явно следил за ним. Может, это он в прошлый раз его убил и скинул в реку?

Меня «серый плащ» не заметил. Постояв еще немного, он, не торопясь, ушел.

На следующий день Дэн явился в школу вовремя. Вел он себя еще страннее, чем всегда. С задумчивым лицом смотрел в одну точку, не реагировал на обращения, одним словом — залипал. На одной из переключек учителю пришлось три раза назвать его имя, пока тот услышал. Со мной за все шесть уроков он ни разу не заговорил. Дэн смахивал на того замкнутого парня, каким я знал его в первой жизни. Все мои труды по его исправлению тихомирно шли насмарку. А это, на секунду, десять лет работы.

По окончании учебного дня, Дэн, уже привычно быстро, собрался и первым покинул класс. Я выбежал следом за ним, и при выходе на улицу, снова увидел мужика в сером плаще. Моя слежка теперь планировалась не за другом, а за этим странным типом. Я постоял в сторонке пару минут, пока не заметил, что «плащ» двинулся за Дэном.

На этот раз Дэн пошел не домой. Он сел в троллейбус и ехал на нем до конечной. «Серый плащ» следовал за ним на своей машине. Я же прыгнул на велик, на котором, специально для похожей ситуации, приехал в школу. Крутить педали пришлось минут двадцать, порой в ускоренном темпе, но свою цель я не потерял. Когда Дэн вышел из транспорта, мужик в плаще припарковался у обочины. Я затаился за поворотом, пристегивая велосипед к ближайшему столбу.

Дэн свернул с дороги и пошел через двор. Я держался на приличном расстоянии от «плаща», стараясь не выпускать его из виду. Какой у меня был план? Никакого. На всякий случай я подобрал по пути увесистый камень. Против пистолета, который, я уверен, точно имелся у мужика, толку чуть. Но если воспользоваться эффектом неожиданности и прицельно бросить — мало не покажется.

«Серый плащ» прошел несколько дворов, следуя за Дэном, как вдруг остановился у торца дома. Дэн свернул с улицы и скрылся в соседнем дворе. Мне пришлось оббежать здание с другой стороны, чтобы увидеть, куда он направился. Дэн быстрым шагом дошел до стоянки, и залез в одну из неприметных машин.

Просидел он там минут пять. Когда вышел наружу, машина тут же уехала. Дэн надел на плечо свой рюкзак и двинулся дальше через двор. Первое, что мне показалось — его рюкзак стал тяжелее. В машине ему явно что-то передали. Фантазия вырисовывала смертника с рюкзаком, полным взрывчаткой. Дэн стал террористом? Чушь какая-то.

Я увидел, как «серый плащ» существенно ускорил шаг в направлении своей цели. Во что бы ни вляпался Дэн, ему угрожала серьезная опасность. Возможно, мужик хотел присвоить себе его рюкзак с грузом. Присвоить любой ценой, даже ценой жизни ребенка. Я решил не проверять его намерений, сжал крепче камень, и выбежал из укрытия.

План родился прямо на ходу. Я довольно быстро сократил расстояние с «плащом» и, выровняв скорость, следовал за ним. Руку с камнем спрятал за спиной. Мужик говорил с кем-то по телефону. Когда между нами оставалось всего несколько метров, он, ожидаемо, услышал мои шаги и резко обернулся. Я заблаговременно достал телефон, отвел взгляд в сторону, и сделал вид, что тоже говорю.

— Да, мама, — сказал я в трубку — я уже подхожу к дому. Через две минуты буду.

Видимо убедившись, что безобидный школьник угрожать ему никак не может, «плащ» вернул свое внимание к Дэну. Тот собирался уже покинуть территорию очередного двора.

— Он покидает двор, — сказал мужик в трубку — готовность две минуты. Я зажму его с тыла, и он выбежит прямо на вас. Не упустите на этот раз.

Говоря по телефону, он не слышал, как близко я к нему подкрался. Едва мужик убрал трубку от уха, я размахнулся и врезал камнем ему по голове. «Серый плащ» мешком рухнул на асфальт. Я тут же схватил его за руки и потащил в кусты, посаженные вдоль дома. Проверил пульс — живой. С этим не налажал, уже хорошо.

Я торопился, ведь Дэну оставалось менее двух минут до того, как его поймают. Требовалось забрать у мужика пистолет. Если вдруг он придет в себя раньше времени, и продолжит преследование, то будет уже хотя бы без оружия. Мои предположения сбылись, пистолет у паршивца был. Я вытащил его из кобуры, присмотрел для него урну неподалеку, и уже собирался бежать за Дэном. Но, взглянув в последний раз на бессознательное тело, заметил торчащий из кармана его рубашки уголок удостоверения. Не медля, я тут же его достал, раскрыл и обомлел.

В документе огромными буквами значилась надпись: «Служба по борьбе с наркотиками».

Сразу стало ясно, что Дэн носил в своем рюкзаке, и почему за ним следили. Этот придурок занимался тем же, чем когда-то занимался я. Торговал наркотой. Черт, а я вырубил камнем блюстителя порядка!

Дэну определенно стоило вставить мозги, сразу после того, как выручу. Потратив на размышления целых десять секунд, я бросил удостоверение и рванул за другом. По дороге выбросил пистолет в урну. Дэн подходил к арке в стене дома, за которой его, определенно, уже ждали. Я бежал со всех ног, чтобы вовремя успеть.

Дэн зашел в арку и пересек её в несколько шагов. Он уже почти вышел с другой стороны, когда я схватил его за шиворот и потянул назад.

— Ни звука! — прошипел я и заткнул ему рот рукой. Я быстро выволок его из арки и потащил к ближайшему подъезду. Забежав внутрь, отпустил его и толкнул об стену.

— Твою мать, — в полголоса крикнул Дэн, стукнувшись спиной — ты что здесь делаешь?

— Это ты какого хрена вообще делаешь? Совсем придурок?

— Не лезь не в свое дело. И отвали от меня.

Дэн сделал попытку пройти мимо, но я снова толкнул его к стене.

— Отвалить!? — рассердился я — Да если б я отвалил, тебя бы в реке вылавливали. Я потратил на тебя слишком много времени и сил, чтоб ты так тупо спустил свою жизнь.

— Совсем больной? — засмеялся Дэн. Он и не представлял, кто слепил из него человека.

— Это не я торгую наркотой. И не меня хотят посадить. Так кто из нас больной?

— Если я опоздаю на встречу, человек не станет ждать и...

Я оборвал его на полуслове, схватил за куртку и прижал к стене.

— Я только что послал в отключку мужика, который следил за тобой целую неделю. Дал ему камнем по башке! Знаешь, откуда он? Из отдела по борьбе с наркотой и с такими, как ты. Он шел за тобой по пятам и, выйди ты из арки, тебя бы тут же повязали.

Дэн утих, переваривая информацию. Я, немного успокоившись, отпустил его.

— Ты врезал ему камнем? — удивленно спросил Дэн.

— Нам нужно валить отсюда, — сказал я — вынимай эту дрянь и выбрасывай.

— Нет — твердо сказал Дэн.

— Совсем тупой?

— Мне нужно отдать этот пакет. Это самый большой заказ, я получу за него пять штук.

И мне хватит.

— На что хватит? На машину? Ради нее стал наркоторговцем? Серьезно?

— Нет...

— Тогда что!?

Дэн тяжело вздохнул. Выдержав паузу, он опустил взгляд.

— У меня мать в больнице. Ей нужна операция. Дорогая. Все серьезно. И я не знал, как можно другим способом достать столько денег. Один знакомый со двора свел меня с человеком. Если продам этот пакет, денег хватит, понимаешь?

Я смотрел на него и не верил своим ушам. Он влез в это дерьмо ради матери. Я-то в свое время торговал только ради себя любимого. С другой стороны, у меня тогда уже не было родителей. Так или иначе, Дэн был определенно лучше меня. И я лишний раз порадовался, что помог ему стать тем, кем он стал.

— Почему ты не пришел ко мне? — спросил я — Почему не рассказал? Я бы помог тебе.

— Дал бы мне двадцать восемь тысяч долларов?

— Да! — без тени сомнения ответил я. — Дал бы столько, сколько нужно.

Дэн начал смеяться.

— Ну, конечно — сказал он с сарказмом. — Ты ж у нас богач, но скрываешь это.

— Давай разберемся с этим позже. Сейчас нужно валить. Вынимай пакет.

— Не могу, — отчаянно ответил Дэн — я должен его вернуть или принести бабки.

Иначе меня завалят, понимаешь? Там отмороженные люди, у них у всех стволы, застрелят, и глазом не поведут.

— Я же сказал, разберемся позже. А сейчас доставай гребаный пакет. С ним мы отсюда не выйдем.

Не дожидаясь действий Дэна, я сам вскрыл его рюкзак. Достал несколько килограмм порошка в пакете, перемотанном скотчем.

— Прямо здесь оставим? — спросил Дэн.

— Да — ответил я.

И в следующую секунду случилась беда. Внезапно открылась дверь подъезда, и в проеме показался крепкий мужик, лет тридцати. Он застыл на месте, глядя на нас. Я, с пакетом в руке, и Дэн, также застыли, глядя на него. Он вдруг повернул голову назад и прокричал:

— Они здесь!

Чувство самосохранения сработало у меня в тандеме с рефлексом. Мужик едва успел снова повернуться к нам, как я запустил в него тяжелым пакетом. Он влетел ему прямо в лицо, порвался и осыпал с головы до ног порошком.

— Бежим! — крикнул я.

Пока мужик приходил в себя и сморкался героином, мы с Дэном уже пробежали третий этаж. Бежать решили вверх, а не на выход, так как там нас бы сразу поймали. На пятом этаже я глянул вниз и увидел, как за нами во всю кто-то гонится.

Мы шустро добрались до девятого этажа, затем еще выше, и выбежали на крышу. По крыше ветром промчались до следующего выхода, оказались в параллельном подъезде, и

побежали по ступенькам вниз. Спустившись до пятого этажа, сверху слышали голос преследователя.

— Они выбегут из соседнего подъезда! Поймайте их! — кричал мужик, по-видимому, в трубку телефона.

Я быстро соображал на ходу, как поступить, ведь кроме парадного выхода, других не было. И, добежав до самого низа, я окончательно убедился, что есть Бог на небе. На первом этаже из квартиры выходил пожилой человек. Он как раз вовремя открыл двери и отошел в сторону, чтобы закрыть. В этот самый момент я проскочил под его рукой и нырнул в его квартиру. Дэн не отставал.

Мы пробежали через гостиную к балкону, распахнули окна и прыгнули. Лететь пришлось не высоко, около двух метров. Для умеющих правильно приземляться, эта высота — не проблема. К счастью, мы оба прекрасно с ней справились. Балкон выходил на противоположную сторону от подъезда, поэтому там нас никто не ждал.

— Разбегаемся! — крикнул я и побежал направо.

Дэн завернул левее. Я мчался на всех парах, пересек несколько дворов, две широкие дороги, чуть не сбил старушку, и пробежал, как минимум, два километра, пока не остановился перевести дыхание. Оперевшись о столб, я тяжело дышал, и все время оглядывался, никто ли не преследует. Мои ноги, чуть ли не в голос, умоляли меня: «хватит, мы больше не можем».

Как бы я хотел спокойным шагом доковылять до остановки, упасть на маршрутку и вернуться домой. Плевать даже на велик, никуда он не денется, заберу позже. Но моему маленькому желанию не суждено было сбыться. Внезапно, из-за дома вдалеке, появился некто, похожий на штукатура. Вот только все его тело покрывала не пыль, а наркота, брошенная моей рукой.

Разъяренный борец с преступностью мгновенно меня заметил и бросился вдогонку. Я оттолкнулся от столба, мысленно извинился перед ногами, и побежал к дороге. Упорству мужика оставалось только позавидовать, чего не скажешь о моем положении. Он гнался за мной без усталости, как профессиональный марафонец. С таким темпом, мои шансы убежать стремительно снижались к нулю, но я продолжал искать выход. И вот, второй раз за день, выход сам нашел меня.

Впереди, к остановке, подъехал троллейбус. Мои ноги ускорились, как могли. Пожалуй, успеть заскочить в отъезжающий общественный транспорт, оставалось единственной моей возможностью удрать. Я бросил на бег все остатки своих сил, увернулся от столкновения с десятком людей, и все же успел запрыгнуть в троллейбус перед самым закрытием дверей.

Давление в ушах зашкаливало, когда мое тело рухнуло на свободное сиденье. Я посмотрел через заднее окно на улицу и увидел своего преследователя. Он отчаянно продолжал бежать, но не справлялся со скоростью транспорта. Я откинулся головой на спинку и тяжело вздохнул. Мое фантастическое спасение смахивало на клише, часто показываемое во многих фильмах. Вот только в моем случае долго радоваться не пришлось. Если в фильме хороший парень обязательно спасается благодаря общественному транспорту, то мне повезло намного меньше.

Троллейбус неожиданно остановился на светофоре. Как назло, он стоял целую вечность в ожидании зеленого света. Я аккуратно выглянул в окно и обалдел. Посыпанный порошком, мужик промчался мимо моего окна, и ткнул удостоверением в окно водителю. Передние двери троллейбуса со скрипом открылись. Внутрь, победной походкой, вошел настырный

бегун.

Паскудное чувство, когда, казалось бы, все позади, ты справился, но в последний момент, из-за какой-то мелочи, все летит к чертям и тебя цапают. Так случилось в прошлой жизни, когда после ограбления я пытался пересечь границу, и, в самый неподходящий момент, отклеилась моя накладная борода. Чертовы халтурщики театрального реквизита!

Теперь же моим врагом стал обычный светофор.

Жизнь в тюрьме научила меня многому, как, например: терпению, бесстрашию, сильному удару или крепкой выдержке. Но самое главное, что я заучил — как бы хреново все не складывалось, делай вид, что так и было задумано. К тебе с заточкой подкатывают два накачанных нациста? Так и было задумано. Тебе сломали нос? Все как раз по твоему плану. На тебя собираются надеть наручники? Протяни руки и скажи: «я уж думал, не дождусь».

Поэтому, когда пыхтя от злости, ко мне подошел страж порядка, я слегка улыбнулся и взглянул на него так, будто цель моей жизни — сдать ему в плен. Мужик завис надо мной с устрашающим видом, раздул ноздри и злобно прохрипел:

— Добегался?

Какая ирония. Когда-то я действительно торговал наркотой, и ни разу не попался. Теперь же меня обвиняли в наркоторговле, которой не совершал. Вернее, хотели бы обвинить, но не хватало доказательств.

Так как я несовершеннолетний, без родителей меня допрашивать не имели права, но хитрый следователь все же задавал вопросы. Касались они, преимущественно, Дэна. Меня хотели уговорить сдать своего друга, но я, естественно, «падал на дурачка» и все отрицал.

Дэна, кстати, им поймать так и не удалось. Для себя я решил, что миссия «Спасти Дэна» полностью завершена и больше не требует моего внимания. Мне удалось уберечь его и от смерти, и от детской колонии. Дальше пусть сам строит свое будущее.

Когда за мной приехали родители, людям в форме пришлось меня отпустить. Однако на учет все же поставили, и даже взяли отпечатки пальцев. Приятного мало, но я тешил себя мыслью, что своими действиями, вероятно, мог выполнить то самое дело, ради которого переродился. Вдруг Дэн в будущем станет какой-то важной личностью? Например, президентом, который изменит нашу страну к лучшему? Но даже если и нет, о содеянном жалеть не собирался.

Объясняться родителям долго не пришлось. Они сразу поняли, что я ни в чем не виноват, и просто кого-то выгораживаю. Моя ситуация их не очень радовала, но и сильно сердиться они не стали. Со мной провели разъяснительную беседу и отправили спать. Повезло мне с предками.

На следующий же день я первым делом позвонил Макс, и дал указание продать часть акций на нужную для хирургической операции сумму. Уже к обеду деньги лежали в моем кармане, и я спешил к Дэну ими поделиться. На вопрос «Откуда?», я прикрылся Максом — якобы, весьма обеспеченным братцем — филантропом. Часть наличных Дэн вернул за потерянный пакет наркоты, остальные пошли маме на операцию.

Друг не знал, как меня и благодарить, поэтому просто поклялся быть моим вечным должником. И хотя я попросил его не нести подобную чушь, поставил себе в уме галочку на этот счет. Что, если и правда он станет президентом?

Неплохо ведь иметь в вечных должниках президента страны, как думаете?

В двадцатипятилетнем возрасте мой брокер сообщил мне зубодробительную новость. Все мои акции, вместе взятые, возросли в цене до миллиарда долларов! Надо же, а я всерьез собирался стать профессиональным футболистом. Думал когда-то — что может быть круче футбола? Но теперь я понимал, круче — богатство, идущее тебе в руки без каких-либо усилий. Не нужно работать, не нужно ни о чем париться, только отдых, путешествия, женщины, и все, что только пожелаешь. С деньгами весь мир у твоих ног.

Последние семь лет жизни выдались лучшими из всех, какие только могут быть.

Окончив школу, я огорошил родителей новостью о своем нежелании поступать в университет. После длительных споров и разногласий, сошлись на том, что буду учиться в ВУЗе на заочной форме. Поступить на таковую не составило большого труда.

На школьном выпускном я повторил свой подвиг с Алисой. Да, я подарил свою девственность этой девушке и во второй раз. Кое-что из прошлой жизни меня вполне устраивало. Не дожидаясь момента, когда она меня снова бросит, я помахал и ей, и своим родителям, ручкой, и переехал в столицу. Там, с помощью Макса, снял недорогую квартирку, используя деньги, выигранные на очередном футбольном чемпионате. Предков успокоил, что устроился на работу. А сессию сдавал, приплачивая нужным преподавателям.

В 2008-м году я отпраздновал долгожданное **совершеннолетие**. Для меня открывался целый ряд преимуществ. Во-первых, Макс, наконец, мог переписать на меня все мои акции, что он и сделал в качестве подарка ко дню рождения. Мне теперь не требовалось звонить ему, чтобы он звонил брокеру, чтобы тот выполнял нужные финансовые операции. Это же касалось и футбольных ставок. Я без посредников мог отправиться в букмекерскую контору, показать паспорт (поначалу в мое совершеннолетие не верили), и сделать ставку.

Также этот год запомнился мировым финансовым кризисом. Я отлично к нему подготовился. Ближе к лету я продал все акции компании Эппл по цене 24 бакса за штуку. На моем счету засверкали 720 тысяч долларов. Десять тысяч я отправил родителям — пусть думают, что у меня с работой все отлично. Остальное приберег.

Когда бахнул кризис, и доллар, по отношению к национальной валюте, взлетел с пяти до двенадцати, все свои баксы я мигом продал. После кризиса доллар осел на отметке «восемь», и я обратно скупил валюту. В итоге, на счету образовалось больше одного миллиона долларов. Часть я потратил на квартиру, цены на которые сильно упали. Остальное вложил обратно в акции Эппл. К слову, их цены тоже обвалились, почти вдвое — до тринадцати баксов за штуку. Итого, в моем портфеле образовалось аж 75 тысяч акций. Это, если не считать ценных бумаг от Фейсбука.

Ну и в завершении удачного года, я сделал себе загранпаспорт и отправился путешествовать. За следующие семь лет мне удалось повидать полмира. Я побывал во всех местах, которые раньше видел только на картинках. Объездил всю Европу, Азию и пол Америки. Отдыхал на самых известных, и не очень, курортах планеты. Смотрел футбольные чемпионаты со стадиона, а не по телеку. В идеале выучил английский, и даже немного итальянский и французский.

Не забыл я и об имени. Леонас Рудзитис снова официально превратился в Лео Рутиса. Родителям решил об этом не упоминать, чтобы не расстраивать. Они могли бы подумать, что

я стыжусь родства с ними. А это не так. Ну привык я к своему короткому и экзотичному имени! Нравилось оно мне. Отстаньте.

Став обладателем громкого звания — миллиардер, я принял решение, что пора по-настоящему прочувствовать богатую жизнь. Акции еще не достигли своего пика, но мне вполне хватало и того, что есть. Семь лет я транжирил деньги, продавая ценные бумаги компании Эппл или выигрывая на футбольных турнирах, но к акциям Фейсбука не прикасался вовсе. И вот пришло их время.

Мой брокер мочился кипятком, когда я дал ему команду продать акций на пятьсот миллионов долларов. Таких комиссионных у него еще в жизни не было. Первое, на что я потратил деньги — купил родителям под столицей дом, о котором они давненько мечтали. Плюс, положил им на счет круглую сумму, достаточную для весьма обеспеченной жизни на следующие сто лет. На вопрос «Откуда столько бабок, сынок!?», пришлось наплести о выгодных инвестициях, сделанных несколько лет назад, которые начали приносить доходы.

Переехав, отец срочно вышел на пенсию, а мать уволилась. Они, наконец, могли спокойно отдыхать и наслаждаться жизнью. Заслужили.

Дальше я приступил к покупкам для себя. С легким нажатием кнопки для перевода денег, в мою собственность перешел личный остров, куда я загнал двести человек строить мне внушительное поместье. Но на остров с материка ведь нужно на чем-то добираться, верно? А что для этого послужит лучшим решением, чем дорогая прекрасная яхта? Правильно, ничто. Её я и занес в свой список покупок вторым номером. Однако оставалась проблема с попаданием на материк. Не то, чтобы проблема, но мне вдруг захотелось летать туда без лишних пассажиров, и с комфортом. Поэтому следующим делом я приобрел маленький, но очень крутой самолет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Даже, если учесть эти дорогушие приобретения, а также несколько домов в разных странах, с десятков спортивных тачек и многое другое, у меня по-прежнему оставалась огромнейшая куча денег.

Чтобы не сидеть без дела, а бесконечный отдых успел мне весьма наскучить, я надумал заделаться кинопродюсером. Идеальный вариант для человека, который точно знает, какие фильмы станут прибыльными. Кино я всегда любил, и в свое время смотрел его в большом количестве. Теперь у меня была возможность познакомиться лично со многими из тех, кого видел только на экране. Затея сулила новые впечатления, по которым я соскучился за последние годы.

Но! Прежде, чем отправиться покорять Голливуд своими деньгами, необходимо было сделать еще одно важное дело.

Благотворительность!

Никогда бы не подумал, что захочу заниматься нечто подобным. Однако, разбогатев, во мне проснулось это странное желание. Захотелось узнать, что чувствуешь, когда безвозмездно отдаешь крупную сумму тем, кто в ней действительно нуждается. В поисках нуждающихся далеко идти не пришлось. Когда я работал на заводе, каждый год, в добровольно-принудительном порядке, начальство отправляло многих сотрудников на благотворительный вечер. Я регулярно попадал в их число. Каждый из нас обязан был купить там что-нибудь, сотворенное руками детей. Все деньги шли на их же содержание, а давал каждый столько, сколько не жалко.

В свое время я ненавидел ездить на это мероприятие, а теперь вот отправился туда по

доброй воле. В моей барсетке лежало сто тысяч долларов на покупку какой-нибудь картины, созданной руками мелюзги. На месте я планировал узнать номер расчетного счета, куда можно переслать еще тридцать миллионов. На первый год им должно хватить, а дальше посмотрим.

Припарковав свой новенький порше у нужного здания, я с важным видом отправился к входу. Внутри, как и всегда, находилась толпа народу. Людишки разбились на маленькие группы и глазели на разные детские поделки. Я бросил взгляд на дальний угол комнаты, и увидел там знакомые лица. Сотрудники завода, на котором я работал до перерождения, рассматривали многочисленные картины. Среди сотрудников присутствовали и мои друзья. Сразу нахлынули воспоминания, как мы частенько собирались и квасили. Разве мог я уйти, не перемолвившись хотя бы с одним из них словечком?

— Какие люди! — подошел я к другу из прошлой жизни, и протянул руку. — Привет, Паш, как жизнь?

Паша посмотрел на меня, озадаченно сощутив глаза.

— Мы знакомы? — спросил он, пожимая мою руку.

— Ну, ты даешь! Бухали на прошлой неделе, уже не помнишь? — ткнул я пальцем в небо. Но тут не прогадаешь. Меньше, чем три раза в неделю, никто на заводе не квасил.

— Да как-то не... — начал говорить Паша, но я перебил.

— Ты бы завязывал, а то совсем перестанешь людей узнавать. Как жена, дочурка, не хворает?

— Эээ... нет, все нормально — ответил неуверенно друг. — Ты на заводе работаешь?

— Не пугай меня, Пашок, совсем перетрудился? — улыбнулся я. — Лео. В блоке «Б» горбачусь. Вот и до меня Нитка добрался. Сказал, езжай, деткам помощи. Как самому приехать, так не, занятой он сильно. Бывают же такие жлобы, а?

Ниткой у нас называли начальника, чья фамилия была — Ниточкин. Улавливаете связь? Услышав знакомую кличку, Паша улыбнулся и кивнул.

— И не говори.

— Как спина твоя, полегчало?

— Да, уже почти прошла — видимо, Паша изо всех сил старался вспомнить, когда рассказывал мне о своих болячках.

— Ну и отлично — сказал я. — Осталось только гемор вылечить, и можно жить, да?

Я похлопал Пашу по плечу, он раздосадовано вздохнул:

— Пора бросать пить.

— Тоже верно — подытожил я и повернулся в сторону — Девушка!

Ко мне подошла девушка, отвечающая за продажу картин.

— Пожалуй, возьму эту. Отличная. — Указал я на картину, висящую передо мною. На ней красовалась, довольно неплохо нарисованная, овчарка.

— Я тоже хотел её купить — обратился ко мне Паша.

— Да ладно тебе, моя дочурка обожает собак, я же рассказывал — сочинил я на ходу.

В прошлый раз эту картину купил именно Паша. Опередил меня тогда буквально на минуту. Среди прочих других, рисунок овчарки казался самым крутым. И теперь он достался мне. Так то!

Девушка сняла картину со стены, и мы отошли к столу оформить покупку.

— Возьму её за сотку — сказал я.

— Как пожелаете, — ответила она, мило улыбнувшись — цену назначаете сами.

Я достал из барсетки две толстенных пачки денег. Боковым зрением увидел, как округляются у девушки глаза.

— Ровно сто тысяч долларов. Можете пересчитать.

Девушка, с открытым ртом, взяла пачки в руки, и посмотрела на меня.

— Поверю на слово — ошеломленно проговорила она.

— Где у вас можно узнать реквизиты для пожертвований? — спросил я.

— Там есть стенд... у выхода — указала она на дверь, прижимая деньги, будто боялась, что я начну их отбирать.

— Спасибо. Хорошего вам дня.

Я взял пакет со своей овчаркой и направился к выходу. Меня переполняли невероятные чувства, которых раньше никогда не испытывал. Что-то новое и необычное. Оказывается, отдавать кучу денег на благие дела не менее приятно, чем богатеть. Особенно, если помогаешь сиротам. Может, я проникся так оттого, что и сам когда-то потерял родителей, и был бы не против от подобной помощи. Так или иначе, менять чьи-то жизни в лучшую сторону, приносило мне огромное удовлетворение. В мире стало одним филантропом больше!

Я пробрался к стенду сквозь многочисленную толпу, и взял один из буклетов. Убедился, что на нем присутствует номер банковского счета для пожертвований.

— Прекрасную картину купили — послышалось вдруг сбоку от меня.

Я повернулся и увидел еще одно знакомое лицо. Передо мною стоял добродушный на вид мужичок, чуть старше меня, с прической в стиле Дональда Трампа. Попытался быстро вспомнить, откуда его знаю, но не смог.

— Я её тоже заприметил, но опоздал — продолжил собеседник.

— Не вы один — ответил я.

— Сколько не пожалели на нее?

— Дал сотку.

— Ах. Я собирался дать больше.

Сомневаюсь — подмывало сказать, но промолчал.

— Каждый год сюда прихожу, постоянно что-то покупаю — сказал он. — Деткам нужно помогать, да и вещи попадают порой неплохие. А вы часто тут бываете?

— Да, я... нет, впервые — я еще раз хорошенько напряг мозги и, неожиданно для самого себя, вспомнил! В прошлой жизни я познакомился с этим мужичком в этом самом здании. Мы разговорились, а потом с ним, и моими сотрудниками, пошли смотреть футбол в паб неподалеку. А чем он мне особенно запомнился, так своим приглашением в сигарный клуб, в котором у него была членская карта. Впрочем, в клуб мне так и не удалось попасть. Через пару дней я совершил ограбление, и меня посадили.

Но! Я не прочь был попробовать попасть в этот клуб еще раз! Не то, чтобы побывать в подобном месте являлось для меня проблемой, я мог даже сам основать такой клуб. Но зачем париться, если можно по быстрому получить любезное приглашение. Оставалось только снова его добиться.

— Проходил мимо, если честно — продолжил я. — Подумал, лучше вот картину купить, чем спустить все на пиво и орешки. Но, все же, на один бокал оставил. Сегодня матч, планируете смотреть?

— Мы как раз собирались с товарищем идти в паб.

— Случайно не в тот, что тут за углом?

— Да, именно в этот.

— Значит, нам по пути — улыбнулся я. — Отметим заодно удачные приобретения. Меня, кстати, Лео зовут.

Я протянул руку.

— Трофим — ответил он с рукопожатием.

В пабе я испытал сразу несколько дежавю. Тот же матч, та же компания, знакомые разговоры. Рядом сидели работники завода, в том числе и Папа. Я уверенно делал вид, что являюсь их коллегой, а они охотно мне верили, поэтому мы спокойно могли общаться на любые темы.

В итоге, все прошло удачно. Я приятно провел время, плюс, добился своей цели — Трофим снова пригласил меня в свой сигарный клуб.

День сложился из целой череды радостных событий. А завершился, так и вовсе, неожиданным сюрпризом. По окончании матча, мы, всей компанией, направились к выходу из паба, как вдруг я увидел... ЕГО. Мои ноги, на какой-то миг, как в землю вросли. На секунду я даже заволновался, что вновь угодил в тюрьму строгого режима.

В нескольких метрах от меня, за столиком в кругу друзей, сидел собственной персоной не кто иной, как сам Ян Титов! Коренастый мужик, с острыми чертами лица, с самыми недобрыми глазами, которые мне доводилось видеть.

Он радостно допивал свое пиво, обсуждая с кем-то успешный исход матча. Я смотрел на него несколько секунд, не в силах поверить своим глазам. Какая вероятность того, что я встречу самого ненавистного мне человека в одном из пабов огромного города? Выходит, и в прошлой жизни мы с ним смотрели футбол в одном помещении, за несколько дней до того, как он начал надо мной издеваться в тюрьме.

Да, Ян Титов в прошлой жизни был начальником охраны той самой тюрьмы, где мне угораздило провести долгих пять лет. За что же я так его ненавидел? В двух словах и не скажешь, тут целая история. И она стоит того, чтобы о ней поведать во всех подробностях.

Только так мотивы моих последующих действий станут понятны всем и каждому. Ибо время не всегда лечит, не всегда заставляет забыть и простить. Ян как раз из числа тех, кого я вряд ли забуду и прощу. Даже несмотря на то, что в новой жизни он ничего мне не сделал.

Пожалуй, начну с самого начала.

Поехали.

Как уже упоминалось раньше, в первой жизни я был не самым примерным человеком. И если уж совсем быть честным, то, наверное, тюрьму я заслужил. Родители умерли рано, и меня понесло по наклонному пути. Образования не получил, устроился на завод, много пил, дрался, и играл в карты на деньги. Видел в этом единственный мой шанс неплохо зарабатывать. Это меня и сгубило.

Войдя в азарт, я сильно проигрался и задолжал опасному недоноску с идиотской кличкой — Масть. Выбор был невелик — либо заплатить, либо серьезным образом потерять целостность своих костей. Выбора по сути не было — я очень любил свои кости. Поэтому твердо решил добыть денег любым способом. Под любым — подразумевалась, естественно, кража. Более разумных идей в голову не приходило.

До ограбления банков мой уровень не дотягивал. А вот грабануть родной завод на зарплату сотен работяг — другое дело. Я засел за разработку плана, за месяц развил его до грандиозных масштабов. С каждым днем направление моей задумки кардинально менялось.

И вот, к завершению планирования, Мать уже и вовсе не значился в списке.

Я твердо решил, что возврат долга не сделает мою жизнь лучше. Останусь и без денег, и без работы, и, почти на 100 %, без свободы. Меня будут искать и обязательно найдут, а в тюрьму садиться очень не хотелось.

Итого — безвыходь. Остаться не могу — покалечат. Бежать из страны без гроша в кармане тоже не вариант — далеко не убежишь. Украсть и вернуть проигранное Мати — посадят. Лишь украсть и сбежать — единственный вариант остаться при здоровье, деньгах и шансе на будущее.

Так я и поступил. Нокаутировал одного охранника, взломал дверь и присвоил наличность. Вечером того же дня уже сидел за рулем старенького Ланоса, взятого напрокат.

Каждые несколько минут чесал подбородок — наклеенная борода сильно раздражала кожу. В верхнем зеркале заднего вида отражались мои волосы, перекрашенные в седой цвет, и лицо, испещренное глубокими морщинами. Любой, взглянувший на меня, не посмел бы усомниться в моем преклонном возрасте. А все благодаря безупречной работе гримера из соседней квартиры. Она потратила на это произведение искусства более четырех часов.

Без качественного грима пересечь границу у меня не было ни малейших шансов, моя фотография уже висела на каждом посту. Поэтому, ради маскировки, пришлось, на стадии подготовки, дважды за месяц вынести столь продолжительное сидение в кресле, пока соседка лепила мне новое лицо. Первый раз гримировался ради фото на поддельный паспорт. Потом же, вместе с этим паспортом, я готов был покинуть страну в поисках новой жизни.

Длинная очередь на границе двигалась очень медленно. Пограничники дотошно осматривали каждый транспорт. Постепенно подъезжая к шлагбауму, у меня все больше дрожали руки. Я старался успокоиться, и невольно бросал взгляд на спинку соседнего сиденья. Именно там, внутри, я и упрятал награбленное. Более надежного тайника сложно было придумать.

Часть своего состояния потратил на поддельный паспорт, еще часть — на аренду машины и щедрую благодарность гримеру. Но большинство денег все же осталось со мной, и этой суммы хватило бы, чтобы обжиться на новом месте.

— Добрый вечер, ваши документы — подошел к машине пограничник. Воспользовавшись длительным ожиданием своей очереди, я сумел успокоиться, и без дрожи в руке передал паспорт.

— Почему меняли паспорт? — поинтересовался служащий, листая документ.

— Так ведь потерял прошлый — сказал я, слегка искривляя голос, дабы тот походил на старческий. — Пришлось вот заново делать.

— С какой целью выезжаете из страны?

— К дочке еду, на день рождения. Только поэтому и паспорт то делал, иначе и не нужен он мне вовсе. Дочке то сорок пять стукнуло, нужно обязательно поздравить лично.

— Откройте, пожалуйста, багажник — с непроницаемым лицом сказал пограничник.

— Конечно, как скажете.

Я вышел из машины и открыл багажник. Пограничник принялся осматривать его, светя фонариком. Внутри валялось какое-то барахло — ничего, что могло бы привлечь его внимание. Убедившись, что все в порядке, служащий попросил меня вернуться в салон. Я подчинился и направился к водительскому месту. Тут-то и пошло что-то не так.

Он слишком долго светил мне в затылок, будто присматривался к чему-то. К чему

именно — я понял чуть позже. Когда я сел за руль, служащий подошел к одному из постовых с автоматом, что-то ему прошептал, после чего снова вернулся ко мне. Нагнулся к окну, опершись об него руками.

— У меня остался к вам последний вопрос.

— Конечно, спрашивайте — ответил я максимально непринужденно.

— Вы смотрели фильм «Бриллиантовая рука»?

Уже тогда я понял, что творится что-то неладное. Невольно в голове прозвучали слова «Черт побери».

— А как же, смотрел. Кто ж его не смотрел? А что?

Пограничник вдруг, резким движением руки, болезненно сорвал с меня бороду.

— У вас борода отклеилась — улыбнулся он, и потряс реквизитом.

Внезапно перед машиной выскочили двое постовых с автоматами, нацеленными на меня.

— Не двигаться! — закричали они. — Руки высунуть в окно! Быстро! Стреляю без предупреждения! Быстро!

Вот так вот. Погорел из-за всего лишь слегка отклеившейся бороды. Я испуганно уставился на автоматы, и медленно высунул руки в окно. Пограничник сразу же надел на них наручники.

Закованного цепями, меня вывели из тюремного фургона. Конвоир взял под руку и повел к зданию, где мне предстояло отбывать свое пятилетнее наказание. Пройдя несколько стальных решетчатых дверей, я остановился у окошка. Там вручили тюремную робу выцветшего серого цвета — мою повседневную одежду на ближайшее пятилетие. Затем развернули к следующим дверям, но проход вдруг перегородил один из охранников. Он язвительно улыбнулся и подошел ко мне ближе.

— Добро пожаловать в твой новый дом — сказал охранник и кивнул конвоиру, который все понял и отошел в сторонку. — Меня зовут Ян Титов, я начальник службы безопасности на этой помойке. Мы будем частенько с тобой видеться. Что тебе нужно знать об этом месте? Если когда-нибудь смотрел жестокие фильмы про тюрьму, то знай, здесь именно так, а бывает и хуже. Раз тебя закинули в эту дыру, то сделал ты что-то поистине дерьмовое. Не поделишься, чтоб я в твое дело не заглядывал?

— Ограбил завод и избил охранника до полусмерти — ответил я.

— Сколько денег взял?

— Около миллиона.

— Неплохо. Ты у нас лет на десять, стало?

— На пять.

Ян с удивлением вскинул брови.

— Кому ты вылизал зад, чтобы скостить срок всего до пяти лет?

— У меня был хороший адвокат. Плюс, я искренне раскаялся в содеянном, и попросил прощения.

Что есть, то есть. Признание вины и раскаяние мне неплохо помогло. Жаль, только этого не хватило, чтобы остаться на свободе. Ян начал дико смеяться. Его смех подхватили остальные охранники.

— И как зовут нашего вора? — спросил Ян, немного успокоившись.

— Лео Рутис.

— Охренеть, кричали гости! Ты че, американец что ли?

— Это сокращенное от Леонас. Я родом из Литвы. А вообще Лео — испанское имя.

Ян вдруг резко перестал улыбаться, состроил гневное лицо и подошел ко мне впритык.

— Ты сейчас сумничал, или мне показалось?

Я выдержал паузу, глядя Яну в глаза, но решил не портить с ним отношения в первый же день. Все-таки, он начальник охраны, с таким враждовать — себе хуже делать.

— Вам показалось — ответил я.

— Я очень надеюсь, — с угрозой сказал Ян — а ты надейся, чтобы мне больше так не казалось.

Ян смотрел на меня так, будто хотел сделать больно одним лишь взглядом.

— Уведите это ничтожество в его камеру — скомандовал он.

Один из охранников тут же взял меня под руку и повел к двери. Таким было мое первое знакомство с человеком, ставшим впоследствии моим злейшим врагом на все жизни вперед.

Первые два дня отсидки прошли для меня вполне сносно. Конечно, кормили в тюрьме ужасно, на улицу выводили редко — большинство времени все сидели по своим камерам. Но зато мне повезло с сокамерником, что тоже немаловажно.

Я старался придерживаться оптимизма: мне двадцать пять, на свободу выйду всего в тридцать, впереди еще вся жизнь. Тем более, где-то там, на стоянке по прокату автомобилей, меня ждал старенький Ланос с запрятанной в кресле кучей денег.

Они даже не подумали потрошить машину в поисках награбленного.

Настраивая себя на позитив, я однажды бродил по тюремному двору во время короткой ежедневной прогулки. Рассматривал уголовников, которые общались, разбившись на множество группок, и размышлял над возможностью вступления в тюремную команду по футболу.

Мой сокамерник, отсидевший уже два года из трех положенных, обрадовал меня существованием такой возможности. А все благодаря начальнику тюрьмы — он обожал футбол и организовал собственный турнир между двумя тюремными блоками. Причем, в каждом блоке собралось аж по две команды, соревнующиеся между собой за выход в финал.

Играть в футбол, к тому же, было еще и полезно. Игрокам разрешалось больше времени проводить на улице для тренировок. То, что нужно: свежий воздух, игра — так и срок быстрее пройдет.

За размышлениями, я и не заметил, как ко мне подкрался Ян.

— Как жизнь, ДиКаприо? — сострил начальник охраны.

— Потихоньку, начальник — ответил я.

— Слушай, я тут прошуршал твое дело, и нашел много интересных не состыковок. Напомни, какую ты сумму спер из сейфа?

Я постарался подавить свое волнение еще в зародыше, и вроде как это отлично получилось. Уверенным взглядом посмотрел на Яна, и не выдал ни единой эмоции.

— Около миллиона.

— Довольно немалая сумма. Куда ж ты всю её успел спустить за день?

— Я много задолжал по покеру. Украл, чтобы вернуть долг. И вернул.

— Это будешь втирать судье, а не мне — чуть озлобленней заговорил Ян. — Никто бы тебе не дал влезть в долги на целый миллион. Представь себе, мой брат тоже иногда балуется в подпольный покер. И как-то раз он мне рассказывал, что в таких группах существует

негласное правило — не давать в долг больше суммы, с которой пришел игрок. Иногда это правило умножают на два, максимум на три. То есть, ты должен был начинать минимум с тремястами тысяч. И тут я подумал, откуда у рядового работника завода столько деньжищ?

— Я долго стоял на счетчике, и за время накрутилась большая сумма — сочинил я на ходу.

— То есть, ты хочешь сказать, что спер именно столько, сколько задолжал? И себе ничего не оставил? На что ты собирался жить, выехав за границу?

— Как-нибудь справился бы.

Ян подошел еще ближе, заговорив тише, с ноткой угрозы.

— Бабки при тебе не нашли, но это лишь значит, что ты их припрятал. И сдается мне, припрятал ты немало. Давай договоримся так. Ты скажешь мне, где они лежат, а я сделаю все, что в моих силах, чтобы твое пребывание здесь запомнилось тебе только с хорошей стороны. Я умею делать такие вещи. Придумаем тебе болезнь, поселим в уютном лазарете. А там и постель мягче, и питание получше. Можно даже со временем телевизор организовать. Что скажешь?

Я устоял на земле, напряженно размышляя. Деньги, запрятанные в спинке кресла арендованной машины — единственное, что вселяло мне надежду на светлое будущее. Я отсижу свои пять лет, выйду, найду ту самую машину, и все-таки начну новую жизнь. Таков был мой наивный план.

Конечно, если деньги не найдут до меня, и с машиной ничего не случится. Но надежда умирает последней, а мне необходимо было себя чем-то мотивировать целых пять лет. Деньги же для меня были лучшей мотивацией.

— Какой мне смысл было их прятать, если я навсегда покидал страну? — попробовал аргументировать я.

— Не носи мне эту чушь — отрезал Ян. — Я могу быть тебе лучшим другом и превратить отсидку на курорт. А могу вырвать твои яйца и убедить всех, что тебя привезли уже без них.

Ян оглянулся, никто ли не подслушивает, но остальные уголовники не стремились подходить к начальнику охраны слишком близко.

— Завтра, — продолжил Ян — в это же время, я подойду к тебе на это же место. И задам тот же вопрос. Подумай хорошенько, как на него ответить.

Ян развернулся и быстро ушел, оставив меня тогда в полной растерянности.

Я долго размышлял, как правильно поступить. Мог бы променять деньги на легкую жизнь в тюрьме. Но что делать по истечению пяти лет, когда я должен был выйти на свободу? Начинать снова с нуля? Ведь с деньгами было бы еще туже, на нормальную работу отсидевших не берут. С другой стороны, какие гарантии, что Ян сдержал бы слово, получив желаемое? Он легко мог забрать деньги и плюнуть на меня — ему это не стоило бы абсолютно ничего.

Взвесив все «за» и «против», я все же решил стоять на своей первоначальной версии. Какие бы тяжелые пять лет меня не ждали, я был уверен, что после них наступит лучшая, обеспеченная жизнь. Я ведь сильный, готов был выдержать любые испытания.

Настроившись на худшую реакцию Яна, я ждал его на следующий день в оговоренном месте. Ждал целый час, но тот так и не явился. Прозвучала сирена, означающая конец прогулки. Я последовал со всеми к корпусу. Заключение встали змейкой и, под присмотром

охранников, двинулись к входу в здание.

Внутри мы шли узким коридором, который вел к жилому блоку. Я поглядывал на сопровождающую охрану, высматривая Яна, но того нигде не было.

«Может, у него сегодня выходной?» — помниться, думал я, как вдруг почувствовал сильный толчок в спину. Даже не успел выставить перед собой руки, как стукнулся об, впереди идущего, двухметрового амбала.

— Извиняюсь — поспешил вставить я.

Амбал медленно развернулся и посмотрел на меня яростным взглядом. Гигантская голова неандертальца, квадратный щетинистый подбородок, которым хоть землю вспахивай, шрамы по всему лицу — пугающая внешность, вызывающая отвращение и опаску.

— Я ща башку проломлю, извиняется он.

— Расслабься, меня толкнули — указал я пальцем назад.

— Кто тебя толкал, упырьшь? — закричал уголовник из-за спины — Обкурился?

Внезапно амбал вцепился огромной ручищей мне в горло. Я попытался ослабить хватку, но тщетно.

— За дебила меня держишь? — прорычал амбал.

— В чем там дело? — прокричал один из охранников.

Амбал тут же откинул меня в сторону.

— Кое-кто тут любит ногами размахивать — сказал амбал, приподняв руки, мол не причем.

Я потирал шею, прислонившись к стене. Ко мне подбежали двое охранников, взяли под руки и повели по коридору.

— Да не трогал я его, мать вашу — еле говорил я, но охранники уже открыли боковую дверь и затащили меня туда.

Я оказался в небольшой комнатке, где на стуле, в ожидании, сидел улыбающийся Ян. Я, конечно, готов был к любым испытаниям, но не ожидал, что они начнутся так быстро.

— Здравствуй, ниндзя-черепашка — заговорил Ян, поднимаясь на ноги.

Любил этот паршивец придумывать каждый раз новые прозвища. Интересно было только, насколько хватит его ассоциаций с именем «Лео»?

— Извини за этот спектакль в коридоре — продолжил Ян. — Хотел пообщаться с тобой без лишних свидетелей. А уводить тебя на глазах у всех без повода может породить слухи. Сам понимаешь.

Я молчал. Охранники продолжали держать меня за руки. Похоже, они не считались для начальника лишними свидетелями и, вероятно, тоже рассчитывали на кусок пирога. Вот только их ждало разочарование.

— Ладно, давай по делу. Ты подумал о моем предложении?

— Да нет у меня денег, — начал я, и Ян тут же вздохнул, опустив голову — я задолжал восемьсот тысяч. Остальное потратил на поддельный паспорт и прочие мелочи. Последние три тысячи у меня отобрали при обыске. Я бы рад организовать себе курорт в этом месте, но при всем желании не смогу дать вам то, чего у меня нет.

Ян начал смеяться и посмотрел на охранников.

— Что скажете, коллеги? Верите нашему воришке?

— Не особо — ответил первый.

— Вообще не верю — подхватил второй.

— Вот видишь, мои коллеги тебе не верят — сказал Ян. — Они думают, ты жадничаешь

для тех, кто рвется с тобой дружить. Что будем делать с этим?

Ян ожидающе уперся в меня взглядом.

— Мне нечего больше сказать — ответил я.

— Жаль — сказал Ян и кивнул одному из охранников.

Тут же мне прилетела крепкая подача под дых. Я согнулся пополам, но охранники меня сразу выпрямили.

— Из этой комнаты ты в любом случае отправишься в лазарет, — продолжил Ян — только у тебя есть выбор. Уехать туда на реальное лечение. Или на расслабляющий отдых.

— Во время лечения я ведь тоже могу расслабиться, правда? — съязвил я.

Да, шуточки были некстати.

Ян выдавил из себя смешок, кивнул охраннику еще раз. На этот раз я готов был к удару, но все равно испытал сильную боль. Охранник врезал мне коленом в живот, а затем, подряд три раза, добавил туда же кулаком.

— Многовато в тебе юмора — заговорил Ян. — Но это ничего, скоро поубавиться. Запомни эти ощущения, и умножь их на тысячу. Вот, что тебя ждет следующие пять лет, если не начнешь мыслить в верном направлении.

Охранник схватил меня за волосы, и резко дернул голову, повернув лицом к Яну.

[Купить полную версию книги](#)